

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

8

ПЕТР I
(30.05.1672 — 28.01.1725)

14

БРЮС
Яков (Дэниэл)
Вилимович
(1669 — 1735)

44

ШЕРЕМЕТЕВ
Борис Петрович
(25.04.1652 — 17.02.1719)

18

СЕНЯВИН
Наум Акимович
(1680 — 1738)

46

АПРАКСИН
Федор Матвеевич
(27.11.1661 — 10.11.1728)

28

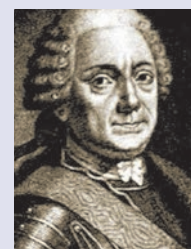
РЕПНИН
Аникита Иванович
(1668 — 1726)

50

МЕНШИКОВ
Александр Данилович
(1673 — 1729)

32

ЛАССИ
Петр Петрович
(30.10.1678 — 19.04.1751)

52

САЛТЫКОВ
Петр Семенович
(1698 — 1772)

56

ПАНИН
Петр Иванович
(1721 — 1789)

62

РУМЯНЦЕВ-ЗАДУНАЙСКИЙ
Петр Александрович
(1725 — 08.12.1796)

66

СУВОРОВ
Александр Васильевич
(13.11.1730 — 06.05.1800)

82

ОРЛОВ Алексей
Григорьевич
(1737 — 1807)

102

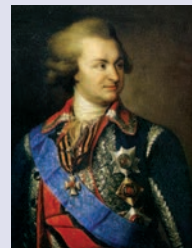
ДОЛГОРУКОВ-КРЫМСКИЙ
Василий Михайлович
(01.07.1722 — 30.01.1782)

106

СПИРИДОВ
Григорий Андреевич
(1713 — 08.04.1790)

110

ПОТЕМКИН
Григорий Александрович
(1736 или 1739 — 1791)

114

ПРОЗОРОВСКИЙ Александр
Александрович
(1733 — 09.08.1809)

120

УШАКОВ
Федор Федорович
(1745 — 1817)

124

РЕПНИН
Николай Васильевич
(1734 — 1801)

130

КУТУЗОВ
(Голенищев-Кутузов)
Михаил Илларионович
(05.09.1745 — 16.04.1813)

134

БАГРАТИОН
Петр Иванович
(1765 — 12.09.1812)

146

БАРКЛАЙ де Толли
Михаил Богданович
(13.12.1761 — 13.05.1818)

160

ПЛАТОВ
Матвей Иванович
(08.08.1753 — 03.01.1818)

176

ДОЛГОРУКОВ
Михаил
Петрович
(19.11.1780 — 15.10.1808)

180

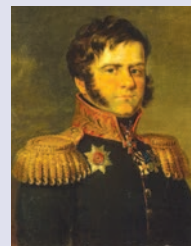
ТОРМАСОВ
Александр Петрович
(1752 — 1819)

184

ВИТГЕНШТЕЙН
Петр Христианович
(25.12.1768 — 1842)

188

НЕВЕРОВСКИЙ
Дмитрий
Петрович
(21.10.1771 — 21.10.1813)

192

ЕРМОЛОВ
Алексей Петрович
(1777 — 11.04.1861)

196

ДАВЫДОВ
Денис Васильевич
(1784 — 1839)

204

КОРНИЛОВ
Владимир Алексеевич
(1806 — 1854)

206

НАХИМОВ
Павел Степанович
(23.06.1802 — 30.06.1855)

208

СКОБЕЛЕВ
Михаил Дмитриевич
(17.09.1843 — 25.06.1882)

218

КОРНИЛОВ
Лавр Георгиевич
(18.08.1870 — 31.03.1918)

238

ЖУКОВ
Георгий Константинович
(01.12.1896 — 18.06.1974)

244

РОКОССОВСКИЙ
Константин
Константинович
(09.12.1896 — 03.08.1968)

258

Вступление

Согласно наиболее авторитетным источникам, трактующим понятие «герой» прежде всего с философско-этических позиций, герой — это тот, кто идет на акт самопожертвования ради общего дела, общего блага. По Гегелю, в герое воплощается национальный дух социума.

Само по себе «герой» — понятие античное (по-гречески это — «доблестный муж», «предводитель»). И изначально героев, потомков богов и обычных людей, отличали прежде всего яркие деяния в военной сфере; и лишь значительно позднее в общественном сознании герои наделяются мудростью, музыкальным даром, хитростью.

В России понятие героя становится одним из самых востребованных с рождением империи, с XVIII в., когда герой прежде всего — в соответствии с древнегреческими канонами — военный предводитель.

XVIII век можно по праву назвать веком полководцев. В этом столетии именно полководцы — самые выдающиеся личности, кумиры общества и толпы, яркие синкретические фигуры (зачастую один человек соединял, казалось бы, малосовместимые вещи — полководческие таланты, королевское достоинство, философские и иные научные изыскания, почти профессиональное занятие различными искусствами), наиболее полно выражающие меру таланта личности и тяготеющие к гениальности. Разгадку подобного феномена следует искать в своеобразии эпохи — недаром же XVIII столетие вошло в историю как «век Просвещения».

Еще одна особенность XVIII в., как века Просвещения — это ослабление позиций христианства. Наиболее характерны в этом плане для России эпохи Петра I и Екатерины II: лишение патриаршества, церковные реквизиции при Петре, отказ церкви в финансовой помощи, закрытие монастырей при Екатерине, хотя это и вызвало даже падение элементарного просвещения в России, поскольку монастыри были еще и школами, и так далее. Просвещенный абсолютизм связывают с Екатериной II, поэтому всмотримся в нее попристальнее: фактически она боролась с православием, так как (а может быть — именно поэтому) никогда не понимала глубинной его сути и всю жизнь оставалась иностранкой, поладившей только с верхушкой.

То есть когда началось противодействие православию с его идеалом человека (смирение, самоусовершенствование, тер-

пимость, добро, любовь), возникла потребность в заполнении чем-то иным образующегося духовного вакуума. Каждое языческое и атеистическое общество исповедует культ героев — активных деятелей (в отличие от внутреннего совершенствования в христианстве), коим можно поклоняться и с коих можно и должно брать пример. Собственно, этого же придерживаются и многие атеистические учения, настаивающие изучать Плутарха и Тацита, насколько культ этот воспитывает мировоззрение «героя и толпы» (элиты и стада).

До этого — в Киевской Руси особенно, но подобное можно проследить достаточно явственно и в эпоху Руси Московской, — безусловными духовными лидерами общества, центрами нравственного притяжения были князья — государи земли. Все они, помимо политических, военных, дипломатических талантов, еще и философы-книжники. Это было неременным условием — не высказываемым, но просто реально существующим — ибо на их плечах держалась тяжесть общественного мироустройства (и чем более ранние периоды истории мы будем брать, тем более доминирующая роль личности, стоящей во главе социума).

Итак, на Руси вплоть до XVII в. в центре общественного внимания монарх — средоточие всех дум и чаяний общества. У него нет конкурентов (лишь в XIX в. совестью нации, ее кумирами, вождями, представителями становятся во многом писатели, публицисты).

Эту же — или немного отличную в деталях — картину можно наблюдать и в других странах Европы: данная триада смены общественного идеала в Средневековье, далее — в XVIII в., затем — в XIX в., прослеживается. В XVIII в. в Европе — налицо плеяда талантливейших полководцев, тяготеющих к мировоззренческим вопросам, к осмыслению национального духа, выразителями которого они являются и который они постигают теоретически и практически. Именно этому постижению национального духа обязаны своими великолепными победами.

В сущности, полководец — это человек, водящий лучшую — в идеале — часть нации на защиту и во славу своего Отечества, своего народа. Здесь прямая переключка с культом полководца древности (практически все страны Древнего Востока, Древний Рим, Византия). Когда именно полководцы становились царя-

Г. К. Жуков. Парад Победы. С. Аладжалов. 1945 г.

ми, императорами, владыками — реальная сила и власть была в их руках, помноженная на знание психологии и нужд народа, ибо в силу специфики своей деятельности полководец ближе всего к простому народу, зачастую разделяет с ним все тяготы походов и сражений, победу или смерть. Без наличия всего перечисленного полководец изначально обрекается на поражение и быстро сходит в небытие.

Культ полководца — это культ гения (и не случайно, согласно толкованию древних, гений — это и человек, но и божество, дающее смертным талант полной мерой, то есть человек, осененный божественной мудростью).

Гениальность полководца проявлялась всегда наиболее ярко, полно и выразительно. Подлинное творчество никогда не ассоциировалось у людей с муками — гений творил легко, играючи, не прилагая якобы никаких усилий.

Это свидетельствовало, что боги покровительствуют ему и берут на себя все родовые муки, оставляя человеку только радость самого акта творения. Писатели, художники, ученые, политики... Всем им свойственны — в разной степени — муки творчества (переделывание сделанного, раздумья и время). Полководец же — иное. В бою размышлять долго некогда — решение должно быть мгновенным и единственно верным. Люди видят: два в общем-то равных войска (все перед глазами, как правило — ничего тайного) сходятся на поле боя — и одно из них выигрывает, выигрывает при всех прочих равных (или даже неблагоприятных) условиях. Единственно необходимое — это талант полководца. Следовательно, он один может перевесить чашу на весах успеха, следовательно: он — божественной природы.

И народ, и сами его военные вожди рассуждали подобным образом, именно поэтому великим полководцам тесны рамки чисто военной деятельности, и когда они достигают апофеоза своей полководческой карьеры — неизбежен конфликт с властью, которая на определенном этапе общественного развития уже создает структуры, противодействующие голой военной силе, насаждает нравственные запреты того же порядка. Словом, неизбежен конфликт с властью, которая не есть полное отождествление лишь с военной мощью и которая, в силу этого, не желает де-

литься и иметь в лице талантливое военачальника подобного конкурента.

До XVIII в. конфликты разрешались с переменным успехом: власть могла быть свергнута, или, наоборот, опале, смерти, забвению мог подвергнуться полководец. В XVIII в. в подавляющем большинстве случаев власть из этой борьбы выходит победителем, даже если и не объединяет в одном лице гениев власти и войны, таких как Петр I, Фридрих II. Полководцы вынуждены уступить — наиболее талантливые из них периодически попадают в опалу (генералиссимус Суворов не мог не упираться в своем росте в стеклянный потолок вместо неба, который и согнул его до могилы) или отходят от двора, ворча и понемногу подвергаясь забвению. О них вспоминают лишь в случае крайней нужды, после же исполнения неотложного они вновь уходят с авансцены, несмотря на широкую талантливость натуры (Румянцев долгие годы практически без какой-либо центральной опеки управлял Малороссией, и Екатерина II, сама хороший администратор, признавала, что когда Румянцев выступает и как администратор, то у нее никогда не болит за это дело душа — так она уверена в фельдмаршале).

Возможно, это последняя попытка противостоять власти не отдельных лиц, а выразителей глубинных тенденций развития общества, эпохи.

Ведь полководцы — отцы солдатам, а стало быть — и народу, они сами ненавидят казенщину и мертвящий бюрократизм.

Народ именно в это время чтит полководцев, как никогда после, видя на данном этапе в них свою последнюю надежду на перемену своей доли.

Вот почему XVIII век. До этого не было столь резкого отделения власти от народа, то есть корпорация бюрократии до сего времени не могла рассматриваться как самодовлеющая сила. Полководцы рассматриваются — в силу своей особой близости к народу — как последняя связь-пуговина народа и верхов. И еще: традиция государя-военачальника остается в потенции, хотя практически реализуется очень редко. В менее отчетливом виде присутствует и другая традиция, проистекающая из первой: полководец — стало быть, может и царствовать (ибо внешнеполитическая деятельность монархов с древности всегда на первом месте). Это на практически инстинктивном уровне сознания.

Петр I в Полтавской битве. Л. Каравак. 1718 г.

А с другой стороны, XVIII век — век Просвещения, век разума.

Идет секуляризация мышления. Абсолют монархических догматов разрушается, и все более свободно пробивается мысль: а почему бы монарху не потесниться, а лучше того — вообще уйти, уступив место полководцу — защитнику государства и народа, человеку, стоящему рядом с народом?

Самые блестящие из полководцев оказались на уровне задач: философы, осмыслители народного духа, книгочеи, поскольку без широкого взгляда на мир талант вырождается в профессионализм, ведущий к поражению, талантливые гражданские и военные администраторы, блестящие дипломаты.

Наиболее дальновидные из монархов пытаются противодействовать им возрождением традиционной в прошлом синкретической фигуры монарха — полководца и мыслителя.

Монарх-мыслитель эпохи Просвещения — это последний рецидив предшествующих эпох, последняя попытка монархов удержаться на авансцене истории — в средоточии жизни нации, предпринимаемая полуинстинктивно-полусознательно. На том же полубессознательном уровне явление монарха-полководца, то есть желание приспособиться к новой эпохе, ее новым требованиям. И если фигура монарха-мыслителя — это попытка, обращенная опытом лишь в прошлое, то полководец-монарх — не только прошлое, но и некое

уловление новых тенденций, стремление соответствовать духу времени.

Мыслитель на троне — обреченность на провал. Да и вообще-то их — единицы, основная же масса — нивелированные личности, все более становящиеся курьезом и тормозом своего времени. Их предки добивались тронов своими талантами или выдающимися злодеяниями, но природа отдыхает на детях гениев — потомкам судьба явно пожадничала, наделяя как личностей.

Монарх же полководец — это, так сказать, новая волна, позволившая на какое-то (иногда — весьма долгое) время задержать распад структур мироустройства предшествующих столетий.

Еще реже соединение в одном лице всех трех вышепоименованных компонентов. Из числа интересующих здесь нас фигур к ним принадлежит Фридрих II. Именно поэтому ему поклонялся Наполеон, его уважал Суворов и к нему бегал Румянцев. Он уловил тенденции эпохи и поставил ее себе на службу, став королем-просветителем. Это дало ему гигантский перевес идейности и, как следствие, — военного искусства, организованности над армиями европейских государств. Но он ошибался, поставив во главу угла идейности своих войск принцип лишь индивидуального благополучия, а не глубинные духовные ценности народа, выражаемые все же в большей степени в коллективистских началах. Пока он имел дело с обычными войсками и полководцами — он побеждал. Встреча с русской армией погубила его. Но он был сильным противником — это признавали все.

Необходимо учитывать и то, что XVIII век — это эпоха, когда экономический строй более-менее упорядочился, эпоха великих потрясений прошла, народу было особенно нечего ждать в плане улучшения своего материального положения (от Петра I до Екатерины II — можно найти лишь многочисленные примеры ухудшения). Как следствие — примат внешнеполитического фактора, который становится единственным, подтверждающим целесообразность пребывания данного монарха на троне (особенно четко это прослеживается у Екатерины II, обладающей на трон весьма зыбкими правами). Поэтому нужны победоносные войны, служащие стимулятором патриотической верноподданности и отвлекающие от дел внутренних. А это значит, что нужны талантливые полководцы, которых более-менее искусственно ставят в эпицентр общественной жизни, но особой воли стараются не давать. Но все равно замкнутый круг: чтобы усидеть, нужно пропагандировать полководцев, что делать и не стоит-то особо, ибо тем самым создаешь себе конкурентов.

Екатерина II, если не организационно, то идейно исповедовала эти же принципы, будучи под влиянием идеологов Просвещения. В качестве яркой иллюстрации ее символов веры можно привести ее попытку разрушения Кремля — символа и национальной святыни. Не случайно в народе эти попытки считались происками «просветителей». Начав проповедь идеала, противостоящего православию, естественно, целесообразно было начать вводить культ героя в его абсолютной (поначалу простейшей) форме. То есть широким массам более понятен не герой мысли, а герой действия. Отсюда — культ полководцев XVIII в.

Петр I и Екатерина II делали ставку на политизацию мышления — в ущерб духовно-нравственным началам: внедряли светскость и культ гения-героя. Вся их политика членилась на ничего не давшую стране внутреннюю и блестящую внешнюю, где первую скрипку играли полководцы — сам Петр, Румянцев, Суворов (именно двум последним — не монархам, но полководцам, любимым народом, самым блестящим военным гениям, с именами которых народ связывал все свои победы ее правления, тайно писала после смерти Потемкина Екатерина, делая их, по сути дела, опекунами над страной и тронем. Именно им она отдаст тайное распоряжение: ее воля, выраженная в тайном завещании, — после своей смерти передать престол не сыну Павлу, но внуку — Александру. Завещание будет храниться у Безбородко, который, по сути дела, обменяет его у Павла на титул светлейшего и прощение всех прошлых, нынешних и будущих грехов. Но и фельдмаршалы не сделают ни одного движения в сторону молодого Александра, хотя, брось они свой авторитет на чашу весов, кто знает — куда бы качнулась стрелка его маятника?.. Но императрица не учла одного: не может народный полководец не быть близким народу по духу и нравственным критериям, а императрица здесь задумывала двойную несправедливость: убив отца своего сына, она теперь хотела обойти его, по сути дела, отцовским наследством. Народу это было непонятно и чуждо).

Идея оправдала себя: из всего XVIII века (да и из предшествующих и последующих веков истории России) — только они двое Великие (как и Фридрих Прусский). Но если предшествующие века господства христианства не могли дать подобной титулатуры, как противоречащей идеалу христианского смирения и перенесенности народа на пастырей и стадо (Карл Великий, хоть и насаждал христианство, сам еще рудимент языческого мышления), то в дальнейшем идеалы претерпели такое изменение, что великих монархов не могло быть в принципе. Не они были повелителями умов народа, а ведь именно народ дает в конечном счете подобные отличия.

Следующий, XIX век в значительной мере подрывает иллюзии, что благо и счастье народа может быть дано лишь сверху и со стороны — время показало, что только сам народ способен добиваться себе счастья. Отсюда — снижение авторитета полководцев как выразителей народного духа, и отсюда же — высокое реноме писателей и публицистов, апеллировавших прежде всего не к власти, а к народу. Писателей, влиявших на духовность общества, и публицистов-политиков, намечавших более-менее конкретные пути достижения этого счастья. Необходимо учитывать и то, что если дехристианизация идеологии началась в эпоху Просвещения, то в XIX в. этот процесс уже достиг определенных успехов, что также связано с выдвижением на первый план фигуры писателя-мыслителя, подвергающего анализу-критике весь комплекс бытия государства и народа. Хотя надо признать, что речь идет не о всем народе, а о верхнем его слое. Этот слой в силу большей образованности, меньшей занятости и оторванности от земледелия — занятия, влияющего на психологию соразмерности жизни, традиционности и преемственности мышления и идеологии, — легче воспринимал различные новые идейные комплексы. Простой же народ искал опоры в вере, в монархии, в своих военных начальниках. Если проводить аналогию с «царем-батюшкой», то в полководце народ видел прежде всего военного

главу рода-общины, «отца солдатам», старшего брата, умудренного годами постижения тайн своего мастерства.

Тогда же окончательно структурируется рожденное в российском обществе-государстве предшествующего столетия понятие-символ этой и грядущих эпох — имперское мышление. Понятие столь же неуловимое, как и национальный дух, и столь же необходимое для развития России, осознавшей себя великой державой, на равных говорящей с этим миром. Мышление части великого целого, не могущего уже мыслить категориями малого; когда физически больно, если это целое не прирастает, и уж тем более — когда начинает распадаться (то есть до XVIII века герои не могли возникнуть, а после Петра I никто не мог стать героем, не будучи имперцем).

Это было очевидно, пока империя находилась на взлете. Менее очевидно в эпохи ее увядания, в которые возникают новые ее герои. Те, кто изначально и не думал о подобном отношении с империей, кто зачастую даже и боролся с ней. Пройдя путь от утилитарного прагматизма до служения целому, занял свое место в анналах истории (то, что в позднем Риме, предшествующей эпохе героев, было характерно для конфедератов, живущих на границах имперского социума и логикой жизни зачатую становящихся одной из главных его опор, пройдя путь от системного неприятия до столь же системного служения).

ПЕТР I

(30.05.1672 – 28.01.1725)

**Русский царь (с 1682),
император (с 1721)**

Царь Петр является одной из самых выдающихся личностей в русской истории. Во время его правления произошли изменения практически во всех областях жизни русского государства. Он сам был неутомимым тружеником и смысл жизни видел в укреплении государства. Он ни во что не ставил жизнь человека и был жестоким правителем. Но это позволило ему создать могущественную империю и самому стать абсолютным монархом.

Одними из первых проведенных им реформ были реформы, связанные с армией и флотом. После дворцового переворота, устроенного стрельцами, Петр I поселился с матерью в Преображенском. Начальное обучение он прошел под руководством Никиты Зотова, который обучал его азбуке, Священному Писанию, арифметике и истории. Начав посещать Немецкую слободу, он познакомился с геометрией, фортификацией и рядом других наук. В то время он часто говорил: «Аз бо есмь в чину учимых и учащих мя требую». За свою жизнь царь Петр освоил 14 специальностей.

Находясь в Преображенском, Петр создал два «потешных полка», которые в скором времени стали лучшими российскими полками нового образца — Семеновским и Преображенским. А найденный им в 1688 году старый бот стал родоначальником созданного русского флота. Первые русские корабли начали строиться на Плещеевом озере и под Архангельском.

Вокруг Петра начал формироваться круг людей, ставших его сподвижниками и друзьями. Среди них были как иностранцы — Ф. Я. Лефортов, так и соотечественники — А. Д. Меншиков, Ф. М. Апраксин и другие.

Многие из тех, с кем разделял забавы юный царь, стали в дальнейшем знаменитыми полководцами. В 1689 году Петр становится полномочным правителем. Заботясь о благе государства, он решает, что для России необходимо иметь морские границы.

В 1695 году Петр начал войну с Турцией, с целью обеспечить России выход к Черному морю. Военные действия предполагалось вести из-под Азова. Первая попытка захватить Азов окончилась неудачно, однако Петр приказал построить галерный флот и в 1696 году одержал победу и добился падения Азова.

Эти военные походы еще больше убедили Петра в необходимости заняться реформированием армии, и после их окончания он провел ряд военных реформ, касавшихся оружия, обмундирования и вообще устройства армии.

В 1697 году Петр I отправляет в Европу Великое посольство, состоящее из 250 человек во главе с «сухопутным адмиралом» Лефортовым и генералом Головиным.

С этим посольством он едет сам, как неофициальное лицо. В Бранденбурге он изучает артиллерию и получает диплом «ог-

Портрет Петра I. Ян Веникс

нестрельного мастера». В Амстердаме он лично работает на верфях, постигая все тонкости постройки кораблей. В Англии он знакомится с устройством фабрик, мастерских, арсеналов, изучая и перенимая новейшие технические достижения. Кроме личного опыта, он оставляет для обучения в Европе молодых русских дворян и «детей боярских», чтобы затем иметь в России своих специалистов в различных областях. За время посещения Великим посольством европейских стран на службу в Россию было нанято более 900 специалистов, в том числе и военных. Кроме того, одной из основных задач посольства стал поиск для России военных союзников.

Вернувшись в Россию и готовясь к войне со Швецией, он в 1699 году объявил набор в армию «вольных людей» солдатами и сбор «даточных людей».

После заключения мирного договора с Турцией, а также подписав договор с Данией и Саксонией о союзе против Швеции, 19 августа 1700 года Петр официально объявил Швеции войну. Это стало началом Северной войны 1700–1721 годов. Через три дня он вместе с войском выступил из Москвы к Нарве. Русские войска были разгромлены под Нарвой, но первые неудачи не остановили Петра.

В 1702 году русские войска взяли город Орешек, переименованный в Шлиссельбург. На следующий год был взят город Ниеншанц, ставший Шлотбургом. Затем русские войска одержали победу под Ямом, Копорьем и Мариенбургом. В 1708 году — победа над шведами при Лесной; 1709 год — Полтавское сражение и полный разгром армии Карла XII; 1714 год — морское сражение при Гангуте и победа нового русского флота.

В 1720 году шведский флот снова был разгромлен в сражении при Гренгаме. Эта война длилась 21 год и закончилась подписанием мира в городе Ништадте. По условиям мира Россия получила часть территории Финляндии и Карелии и самое главное — выход в Балтийское море.

С еще большим энтузиазмом он берется за реформирование армии и строительство флота. Его неутомимая энергия способствовала созданию регулярной русской армии, которая вскоре стала громить шведов.

Утро стрелецкой казни. В. И. Суриков. 1881 г.

Во всех крупных сражениях Петр I лично принимал участие как главнокомандующий, а если того требовали обстоятельства, то и вел полки в атаку. Так, например, во время Полтавского сражения в критический момент боя он сам встал во главе батальона Новгородского пехотного полка и повел его в бой.

Во время этой атаки одна из пуль попала царю в грудь, но даже не ранила его, так как ударила в нагрудный крест.

В период Северной войны в 1711 году Петр I предпринял Прутский поход против Турции. Этот поход был неудачным, но русским дипломатам удалось заключить с Турцией мир, и военные действия вновь переместились на Балтику.

После окончания Северной войны, продолжая имперскую политику, Петр I организовал и успешно провел в 1722–1723 годах

Персидский поход, результатом которого стало завоевание побережья Каспийского моря.

Создав регулярную армию и флот, победив в войнах, Россия стала одной из самых могущественных стран Европы, а сам Петр I получил титул императора.

Он скончался после тяжелой болезни, не успев назначить наследника, 28 января 1725 года.

Полтавская битва. Д. Мартен. 1726 г.

ШЕРЕМЕТЕВ

Борис Петрович

(25.04.1652 – 17.02.1719)

**Граф (1706),
генерал-фельдмаршал
(1701)**

Борис Петрович Шереметев не занимал среди соратников Петра I особого положения. Выходцу из старинного аристократического рода претило много нового, появившегося в обычаях русского царя, что шло вразрез с его представлениями о царском величии. Не импонировало ему и то, что Петр I окружал себя людьми из «подлых» фамилий, мало считаясь при этом с интересами фамилий древних. Он так и не смог приспособиться к новому двору, которому оставался чужд до конца своих дней.

Но при том в нем проявилось иное качество, во многом чуждое новому окружению царя, — близость к солдатской массе. Именно заботой о солдате первый российский фельдмаршал остался в памяти русского войска, с которым он был связан на протяжении своей достаточно продолжительной жизни.

Боевые действия русских войск под командованием Шереметева во многом напоминали черты военного искусства предшествующего столетия — они отличались медлительностью, осторожностью, отказом от рискованных операций. Шереметев любой ценой пытался добиться численного превосходства над противником и только после этого мог чувствовать себя уверенным на поле боя. Военное искусство Шереметева занимало промежуточное положение между искусством старого и нового времени, во многом отражая личность самого фельдмаршала.

Генерал-фельдмаршал Борис Петрович Шереметев происходил из древнего рода, ведущего свое происхождение от Андрея Кобылы. В течение XVI — XVII веков Шереметевы, благодаря своей родовитости и огромным земельным владениям, занимали ведущие посты в русском войске и заседали в Боярской думе.

Отец фельдмаршала Петр Васильевич Большой несколько лет был воеводой в Киеве, где проникся западным влиянием и как бы по наследству передал его своему сыну, ставшему впоследствии верным соратником преобразователя России.

Борис Петрович родился 25 апреля 1652 года. Ранние годы своей молодости он провел в Киеве, где проходила служба его отца. «Мать городов русских» навсегда сделалась любимым городом Шереметева. Впоследствии он даже завещал похоронить себя здесь, даже если смерть застигнет его в другом городе.

По некоторым сведениям, Борис Шереметев учился в Киевской коллегии (впоследствии академии), находящейся в Киевской лавре. В доме своего отца Борис Шереметев познакомился с представителями польской аристократии. Впечатления от этих встреч не могли не отразиться на мировоззрении Шереметева, хорошо воспринимавшего как польскую культуру, так и польский язык. Впоследствии, уже при дворе Петра I, Шереметев завоевал у посещавших царя иностранцев репутацию самого вежливого и наиболее культурного человека.

Государственная служба Бориса Шереметева началась с отправления обязанностей при дворе царя Алексея Михайловича. Он сопровождал царя в поездках по монастырям и царским слодам или стоял рындой на его торжественных приемах.

В 1679 году он был назначен в Большой полк товарищем воеводы. Спустя два года получил место на должность воеводы недавно организованного Тамбовского разряда.

В 1682 году, по случаю восшествия на престол царей Петра и Иоанна, Шереметев был пожалован в бояре. Это сделало его членом Боярской думы и давало возможность принимать личное участие в управлении государственными делами.

Одно из первых важных назначений Шереметева было участие в составе делегации в переговорах с прибывшим в Москву польским послом. Поскольку срок Андрусовского мира 1667 года истек, русское правительство было заинтересовано в закреплении за Московским государством Киева. Этому вопросу, главным образом, и были посвящены переговоры, начавшиеся в 1686 году в Москве.

Речь Посполитая остро нуждалась в союзе с Москвой для борьбы с Османской империей. Русская делегация обещала разорвать мирный договор с султаном и пойти войной на Крым, если Польша откажется от Киева. Это вынудило поляков окончательно проститься с мечтой о возвращении «матери городов русских».

Победа на переговорах принесла Шереметеву звание «ближнего боярина и наместника Вятского». В составе посольства он был в Варшаве, а получив от короля ратификационную грамоту, с тем же посольством отправился в Вену для уведомления короля Леопольда о заключении «вечного мира» с Польшей.

После возвращения из Вены Шереметев получил назначение на должность воеводы Белгородского разряда, где прошла новая засечная черта, ограждавшая русские земли от набегов крымской конницы.

В 1688 году он принял участие в походе войск под командованием князя В. В. Голицына на Крым, совершаемого по условиям мирного договора с Польшей. В этом походе Шереметев проявил храбрость, но особо его боевые таланты пока не проявились. Более того, в сражениях в Черной и Зеленой долинах крымская конница смела его отряд и обратила в бегство.

В Белгороде Шереметев оставался до 1695 года, когда Петр I вызвал его в Москву и поручил формирование 120-тысячной армии для предполагавшейся войны с Турцией.

Конечной целью новой войны должен был стать Азов. В то время как сам Петр во главе полков нового строя и московских стрельцов должен был двинуться к Азову, армия во главе с Шереметевым, составленная из дворянской конницы и казаков, направилась к низовьям Днепра, отвлекая на себя внимание крымских татар.

Битва при Нарве. А. Е. Коцебу

Шереметев, уже имевший опыт борьбы с Крымом, пытался предупредить царя о рискованности всего предприятия. Все же он смог сформировать армию и повести ее в поход.

В том же году армия Шереметева взяла хорошо укрепленный Казы-Кермень на Днестре. Это так испугало турок, что они без боя оставили еще три укрепленных городка. И все же, не желая рисковать, Шереметев не пошел на Крым, а повернул на Украину.

В следующем, 1696 году Шереметев получил приказ царя соединиться с войском гетмана Мазепы и двигаться на Очаков. Однако войско Шереметева дошло лишь до реки Берестовой, где и остановилось. Шереметев вновь не пожелал рисковать и упустил возможность с ходу ворваться в Крым, где фактически не было татарского войска.

Несмотря на такие незначительные результаты похода, Петр I понял, что в лице Шереметева он получил полководца нового образца. И потому по возвращении Шереметева из похода устроил ему за взятие Казы-Керменя торжественную встречу — своеобразный триумф в стиле древних традиций.

После окончания азовской кампании Шереметев вернулся в Белгород, из которого он выехал на поле брани войны, при-

несшей ему великую славу и звание первого фельдмаршала Российской империи.

С января 1700 года Шереметев уже назывался «генералом» и начальником «дворянской нестройной конницы». Формирование дворянского ополчения подвигалось туго, и к сентябрю Шереметеву удалось собрать лишь пять тысяч человек.

14 сентября его войско было под Нарвой, куда в конце месяца прибыл и сам царь. 26 сентября Петр приказал Шереметеву проверить дороги к Везенбергу, по которым, как он предполагал, могло двигаться шведское войско во главе с Карлом XII. Шереметев во главе шеститысячного отряда дошел до Везенберга, но, не встретив нигде шведов, повернул обратно, предварительно расставив по дорогам небольшие отряды для наблюдения за движением противника.

Тем временем Карл XII, находившийся в Риге, напал на русский разъезд у Вириэла. Под натиском пятитысячного шведского отряда русский разъезд отошел. Но прибывший к нему на помощь Шереметев разбил противника, взяв двух шведских офицеров, и отошел к Пихиношу. Карл XII последовал за ним, но Шереметев, не принимая сражения, отошел к Нарве. В это

время Петр I покинул военный лагерь, поручив главное командование герцогу фон Круа.

На следующий день началось Нарвское сражение. Длинный фронт русских войск был прорван, к тому же шведам помогала метель, бившая в глаза русским солдатам. В панике конница Шереметева переправилась через Нарову, потеряв при переправе 7–8 тысяч человек. Умело действовавший против турок и татар Шереметев оказался не готов противостоять отлично обученным войскам Карла XII.

Однако отношение Петра к своему генералу не изменилось, поскольку иного выбора у него не было. Две недели спустя после Нарвского сражения он поручил ему идти в шведские земли и нанести сколько возможно вреда противнику. Главным противником Шереметева был губернатор Восточной Прибалтики генерал Шлиппенбах.

В декабре Шереметев попытался захватить Аллету (Мариенбург), но был вынужден отступить. Единственным достижением конных отрядов Шереметева было лишение шведских войск провианта.

В начале сентября 1701 года Шереметев направил три отряда к Репниной мызе. Командование самым крупным из них он поручил своему сыну Михаилу. В ходе рейда противник потерял около 300 человек убитыми и две пушки. Потери русских составили 9 человек. Это была первая победа над шведами.

Новый поход в Эстляндию был тщательно подготовлен и основан на собранных разведкой сведениях о противнике. Шереметев знал, что главные силы шведов находятся у мызы Эрестфер и насчитывают 78 тысяч человек. Они готовились атаковать Печорский монастырь под Псковом, возле которого располагались на зимних квартирах русские войска. Шереметеву нужно было упредить противника, нанеся ему удар первым.

Корпус Шереметева (18 тысяч) выступил из-под Пскова в шведские земли 23 декабря 1701 года. Оставив обоз, русская конница пробиралась налегке, чтобы достичь внезапности. Это почти удалось, поскольку шведы, празднуя Рождество, не догадывались о подходе противника. Лишь 27 декабря их посты обнаружили русских, однако Шлиппенбах не спешил принимать меры.

К 11 часам утра 29 декабря русские драгуны подошли к Эрестферу и напали на шведский лагерь. Первый их натиск был отражен картечным огнем шведской артиллерии. Но вскоре к Эрестферу подошла русская пехота с артиллерией, и положение на поле боя изменилось.

В ходе пятичасового сражения отряд Шлиппенбаха был наголову разгромлен. Остатки шведского отряда отошли к Дерпту. Шереметеву досталось 150 пленных, 16 пушек и весь фураж обозов с продовольствием, заготовленный в Эрестфере.

Шереметев попытался организовать преследование противника, но был вынужден отказаться от этого намерения из-за сильного мороза. 4 января 1702 года русские войска вернулись в Псков, где им была устроена торжественная встреча.

Но особенно торжественно праздновали победу при Эрестфере в Москве. По существу, это был второй триумф Шереметева. Звучала пушечная пальба, звонили колокола, народ угощали вином и пивом. С кремлевских башен свисали трофейные знамена. По случаю победы открылся первый общедоступный театр. За победу при Эрестфере Шереметев был награжден орденом Св. Андрея Первозванного и произведен в фельдмаршалы.

В России убедились в возможности побеждать шведов, и первым доказал это Шереметев у Эрестфера.

Однако и Петр I, и Шереметев понимали важное обстоятельство — при Эрестфере был разгромлен не Карл XII, а лишь один из его генералов. Сам король находился в Саксонии и преследовал войска короля Августа. Потому было принято решение придерживаться оборонительной стратегии, одновременно обучая армию воевать по-новому.

Однако уже в марте 1702 года обстоятельства изменились. Петр I узнал, что Карл XII находится на подступах к Варшаве, а следовательно, Шлиппенбах не может получать от него подкрепления. И он приказал фельдмаршалу быть готовым к походу в Эстляндию.

Желая добиться укомплектования войска людьми и боеприпасами, Шереметев оттянул поход до июля. Он смог достичь численного превосходства над противником: в его войске было 18 тысяч человек, в то время как у Шлиппенбаха — всего 7 тысяч. Большую часть русского войска составляла конница, и лишь немного было пехоты.

18 июля войска Шереметева подошли к мызе Гуммельсгоф. Здесь русский авангард столкнулся со шведским отрядом. Вначале шведы потеснили русских и даже отбили у них несколько орудий, но затем подоспела пехота и ударила по шведской коннице.

Та в панике бежала, сбивая собственную пехоту, оставляя ее на произвол судьбы. Из 7-тысячного шведского отряда лишь 3 тысячам человек удалось добраться до Пяруну. Русский отряд отделался незначительными потерями.

Победа при Гуммельсгофе дала Шереметеву полную власть над Восточной Лифляндией. Он отправил в разные концы края отдельные отряды, приказав им уничтожить продовольствие для шведского войска.

В продолжение двухмесячного похода удалось захватить крепости Мензу и Мариенбург; в последнем в числе пленных оказалась и будущая жена царя Марта Скавронская (будущая императрица Екатерина I).

9 сентября Шереметев с войском вернулся в Псков, ведя с собой свыше тысячи пленных солдат и офицеров, 51 орудие и 26 знамен.

Поход Шереметева имел чрезвычайно важное значение — устранялась угроза русскому тылу и создавались условия для возвращения земель в районе реки Невы. Шереметев впервые руководил целой кампанией на отдельном театре военных действий.

Осенью царь приказал Шереметеву овладеть крепостью Нотебург, обороняемой гарнизоном в 450 человек. Несмотря на небольшие размеры, крепость была достаточно хорошо вооружена (142 орудия), находилась на острове, омываемом Ладожским озером, и была обнесена высокими каменными стенами.

27 сентября начались осадные работы, а три дня спустя Шереметев отправил коменданту ультиматум с требованием капитуляции. Комендант попытался добиться отсрочки, прося четверо суток на размышления, и тогда Шереметев приказал начать бомбардировку Нотебурга.

От имени всех офицерских жен супруга коменданта направила в русский лагерь барабанщика с письмом, в котором просила дать свободу выхода из крепости. Но находившийся в лагере Петр ответил, что такая свобода им будет дана, если они возьмут с собой и своих мужей.

7 октября начались приготовления к штурму, а 11 сентября начался и сам штурм. После упорного 13-часового боя крепость пала, хотя за это пришлось заплатить дорожную цену — русский отряд потерял 564 человека убитыми и 928 ранеными.

Петр переименовал Нотебург в Шлиссельбург («Ключ-город») и отпраздновал его взятие торжественным парадом войск через триумфальные ворота в Москве.

Следующей победой Шереметева на невыхских берегах стало взятие Ниеншанца. 25 апреля 1703 года 20-тысячное русское войско, в котором находились Шереметев и сам Петр, появилось под стенами крепости. Русский отряд имел возможность

ворваться в Ниеншанц на плечах противника, но командир авангарда не проявил инициативы, и время было упущено.

30 апреля подготовка к штурму завершилась, и Шереметев послал осажденным ультиматум с требованием сдачи крепости.

Комендант отказался капитулировать, но уже на следующий день после первой бомбардировки выкинул белый флаг. Капитуляцию гарнизона принимал сам Шереметев. 1 мая 1703 года близ Ниеншанца был заложен новый город Санкт-Петербург.

Сразу же после взятия Ниеншанца Шереметев повел войска к Копорью, где предъявил коменданту требование о сдаче, но получил ответ: «Сами не уйдем». Однако после первой же бомбардировки на следующий день комендант капитулировал.

Почти одновременно с Копорьем капитулировал и Ям, который войско Шереметева осаждало две недели. После сдачи крепости ее укрепления были усовершенствованы, и в Яме размещился русский гарнизон.

В августе Шереметев получил приказ Петра отправиться в Псков через Лифляндию и Эстляндию. Во главе пехотных и драгунских полков Шереметев двинулся в уже знакомый ему край.

Узнав о вторжении войска под командованием Шереметева, Шлиппенбах отступил на запад, сжигая за собой мосты и уничтожая запасы. В течение месяца Лифляндия была разорена как шведами, так и русскими, и в конце сентября русские войска стали на зимних квартирах вблизи Печорского монастыря.

Таким образом, в 1703 году войска фельдмаршала Шереметева завоевали землю древней Ингрии с выходом к Балтийскому морю.

В апреле 1704 года по приказу Петра к Дерпту был направлен корпус под командованием Шереметева. Фельдмаршал как мог оттягивал начало выступления, желая более тщательно подготовиться к походу, и лишь после нескольких напоминаний царя 21-тысячное войско вступило в Лифляндию.

Его авангард подошел к Дерпту в ночь с 3-го на 4 июня. Прибывший к городу Шереметев убедился в силе его укреплений. Стены Дерпта имели шесть бастионов, на которых стояли 132 орудия самых разных калибров. Город защищало 5-тысячное шведское войско, не считая вооруженного гарнизона.

Начались осадные работы, сопровождающиеся дуэлью русской и шведской артиллерии и вылазками из Дерпта войск противника.

Затянувшаяся осада Дерпта привела под его стены самого царя. Одновременно с осадой Дерпта русские войска осаждали и Нарву, где работы тоже двигались туго, и Петр I опасался, что, воспользовавшись затруднениями русских войск, Карл XII перебросит из Швеции подкрепления в Прибалтику, прежде всего под Нарву. Сам Шереметев считал подобные слухи дезинформацией, специально распространяемой комендантами вражеских крепостей. Кроме того, Петр рассчитывал после быстрого овладения Дерптом перебросить под Нарву освободившуюся осадную артиллерию.

После прибытия царя к Дерпту интенсивный обстрел крепости возобновился. Русские пушки пробили в ее стенах три бреши, и в ночь с 12-го на 13 июля начался штурм города. Комендант крепости полковник Шютте предлагал почетную капитуляцию, но Петр разрешил гарнизону лишь вывезти свои семьи и месячный запас продовольствия. Вся крепостная артиллерия и запасы боеприпасов достались русским.

Петр вернулся к Нарве, куда вскоре вызвал и Шереметева. Но фельдмаршал был болен и смог отправиться в лагерь царя лишь после его четырех указов о прибытии под Нарву. 9 августа после ожесточенного приступа город пал.

19 августа под стенами крепости был подписан русско-польский союзный договор о совместной борьбе со Швецией. Согласно договору, в помощь королю Августу выделялся 12-тысячный русский корпус, а также выплачивалась ежегодная субсидия в размере 200 тысяч рублей.

Уже осенью 1704 года Шереметев получил приказ Петра I отправиться во главе корпуса русской конницы против корпуса генерала Левенгаупта, находящегося в Литве. После прибытия в Витебск Шереметев обнаружил, что фураж для лошадей отсутствует, и решил не выходить в поход до тех пор, пока он не будет доставлен в войска. Раздосадованный поведением своего фельдмаршала Петр прислал в Литву Меншикова, доставившего Шереметеву указ о переподчинении части его войска, прежде всего пехоты, фельдмаршалу Георгу Огильви, недавно нанятому на царскую службу.

Конница по-прежнему оставалась под командованием Шереметева, но русский фельдмаршал был чрезвычайно недоволен создавшимся положением, ведь фактически своим указом Петр создавал в армии двоевластие.

Шереметев продолжил подготовку к походу, но зимой поход так и не состоялся. Лишь весной русские войска начали наступление на корпус Левенгаупта. Русский авангард внезапно на-

пал на Митаву и полностью уничтожил находящийся там шведский гарнизон. Главные силы Левенгаупта укрепились у Гемацертюфа (Мур-Мызы).

Не желая терять время на атаки достаточно сильных позиций, военный совет решил выманить шведов и затем ударить по их флангу сосредоточенной в лесу кавалерией. Однако подобный план желал осуществить и сам Левенгаупт. Он стал демонстрировать ложный отход с позиций. Часть русских офицеров действительно решила, что противник уходит, и, сообщив об этом Шереметеву, начала его преследование. Вслед за тем и другие русские полки атаковали шведов.

Казалось, что победа будет на стороне русской конницы, но вдруг драгуны наткнулись на шведские обозы и принялись их грабить. Это дало Левенгаупту возможность привести свои войска в порядок, а затем и самому перейти в контрнаступление.

Под покровом темноты войска Шереметева отошли, потеряв 13 пушек и 10 знамен.

Это было единственным поражением Шереметева за годы Северной войны, но оно скоро было забыто из-за новых по-

Портрет фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. *Шурман*

бед, одержанных под руководством самого Петра I. 4 сентября пала Митава, а 13 сентября шведы были разгромлены под Бауском. В это же время корпус Шереметева прикрывал главные русские силы от удара по ним корпуса Левенгаупта, находившегося в Риге.

В конце 1706 года, после возвращения из Астрахани, где он руководил подавлением стрелецкого восстания, Шереметев вновь оказался в действующей армии. Это было незадолго до вторжения шведских войск в Россию, и теперь фельдмаршал вновь оказался на главном направлении. Под его непосредственным руководством сейчас было 57,5 тысячи человек — главные силы русской армии. Ей противостояло 25-тысячное войско во главе с самим Карлом XII.

В августе 1707 года шведское войско покинуло Саксонию и вторглось в пределы России. Несмотря на то что шведский король мечтал о генеральном сражении, Петр I не дал Карлу XII такой возможности и начал отступление с целью постепенного изматывания войск противника. Царь постоянно находился в главной армии, и Шереметев, нередко проявлявший особую осторожность в руководстве боевыми действиями, теперь окончательно потерял инициативу. Но даже тогда, когда царь отбывал в Петербург, как это было весной и в первой половине лета 1707 года, в армии оставались люди, которые авторитетом своего положения заставляли игнорировать все распоряжения фельдмаршала. Таким человеком прежде всего был фаворит царя генерал-лейтенант Меншиков — сторонник активных действий.

В начале марта 1708 года в местечке Бешенковичи (юго-западнее Витебска) состоялся военный совет, который обсудил план кампании, предложенный Меншиковым. Он предлагал в случае наступления войск Карла XII начать отход, предварительно опустошив весь край. Но Меншиков настаивал на том, что если пехотные войска будут отходить, то кавалерия, напротив, перейдет к решительным действиям, нанося удары по шведскому тылу, в то время как нерегулярная кавалерия (прежде всего казаки) станет тревожить фланги противника.

Разделяя идеи Меншикова об оборонительной стратегии, Шереметев резко выступил против разделения русской армии, поскольку считал, что в подобном случае обоим родам войск невозможно будет поддержать друг друга в случае опасности.

Он также не мог понять, как русская кавалерия станет действовать в разоренной дотла местности.

Споры переросли в конфликт между главнокомандующим и командующим кавалерией. Шереметев был даже готов отказаться от своего поста, если из армии не будет отставлен Меншиков.

Но Петр, в целом разделяя взгляды Шереметева, оставил Меншикова на прежней должности, и летом 1708 года, после отъезда Петра I из армии, конфликт перерос в новую стадию.

В связи с укреплением обороны на водных рубежах — Березине и Днепре — вновь возникли споры о том, как действовать, если шведы начнут форсирование рек.

Меншиков считал, что с войсками Карла XII лучше всего справится его кавалерия, которой будет оказывать содействие пехота. По мнению же Шереметева, оборонять Березину должны были кавалерия и пехота, посаженная на коней, поскольку в противном случае пехота может оказаться добычей шведов. Опасался Шереметев (и в этом его поддерживал царь) и невольного втягивания русских войск в генеральное сражение.

И все же на военном совете опять победило мнение царского фаворита. 14 июня Карл XII перешел Березину южнее Борисова. Этого Меншиков, сосредоточивший свою кавалерию у самого городка, никак не ожидал.

После поражения в Головчинском сражении русские войска отошли к Днепру.

Вскоре в армию прибыл Петр I. Он, как уже говорилось, во многом разделял идеи Шереметева, но новые известия заставили его внести коррективы в планы кампании. Царь узнал, что на соединение с войсками Карла XII из Риги движется корпус Левенгаупта, сопровождающий огромный обоз с продовольствием и боеприпасами. Военный совет решил выделить из главной армии особый корпус (корволант) во главе с самим Петром I и направить его против Левенгаупта. Шереметеву же с остальным войском предписывалось продолжать отступление.

28 сентября корпус Левенгаупта был разгромлен у деревни Лесной. Шереметев получил об этом известие от шведского офицера, который по неосторожности заехал в Стародуб и здесь был схвачен казаками.

После разгрома корпуса Левенгаупта Карл XII повернул свои войска на Украину, куда звал его гетман Мазепа. Но здесь шведы попали в еще более тяжелое положение. Королевская армия, со всех сторон обложенная небольшими отрядами, действующими в тылу, таяла на глазах. Продовольствия также не поступало, и шведы постоянно были вынуждены менять места своей стоянки.

Зимой 1709 года Петр отозвал Меншикова в Воронеж, а Шереметеву приказал сформировать отряд для действий в тылу противника. Этот отряд должен был одновременно быть и достаточно подвижным, и сильным, чтобы его молниеносные действия наносили урон войску шведского короля.

Но Шереметев не был способен к действиям партизанского характера, склонность к которым проявлял начальник его кавалерии. Шереметев разгромил отряд из 450 человек, однако Петр I ждал от своего фельдмаршала более громких побед. Шереметев, однако, не оправдал его надежд. Он упустил отряд генерала Крейца, а его победа над семью кавалерийскими полками под Решетилровкой ограничилась лишь захватом гурта скота.

В гневе Петр I отобрал у Шереметева Преображенский полк, передав его под командование Меншикова.

В апреле главные усилия войск Карла XII сосредоточились у Полтавы. Осадные работы сочетались со штурмами города шведами, но гарнизон отражал все атаки противника.

Опасаясь, что в конечном итоге шведы все же захватят Полтаву, Шереметев попытался оказать ей поддержку небольшими партиями, действующими в тылу противника. Но Петр I уже готовился перейти к новой стратегии и приказал фельдмаршалу двигаться на соединение с войсками Меншикова, находящимися в районе Полтавы.

Соединившись с Меншиковым, Шереметев стал добиваться разрешения царя перевести часть войска через Ворсклу и организовать на другом берегу укрепленный лагерь, из которого непрерывно беспокоит шведский тыл.

4 июня 1709 года под Полтаву прибыл Петр I, взявший на себя руководство боевыми действиями. После обсуждений на военном совете предложения Шереметева 16 июня было решено начать переправу.

27 июня произошла Полтавская битва, за которую фельдмаршал Шереметев был пожалован деревней Царская Грязь.

Сразу же после небольшого отдыха Шереметев был отправлен в Прибалтику. Его главной задачей стало овладение Ригой. Царь надеялся, что осада города обойдется русским войскам дешевле, чем ее штурм. Однако вышло все наоборот: осадные работы затянулись, и в войске Шереметева начался мор, унесший до 9800 жизней.

Осада Риги началась в начале октября 1709 года. В ноябре в осадный корпус приехал с инспекцией Петр I, лично сделав-

ший по городу три выстрела. Царь скоро отбыл в Петербург, приказав корпусу продолжать осаду. Но в декабре Шереметев отвел войска на зимние квартиры и, оставив под Ригой часть войск под командованием Репнина, уехал в Москву. Встретившись с царем, он объявил ему, что войска Репнина полностью обеспечены провиантом до середины следующего года. Но неожиданно Петр I узнал от самого Шереметева, что в войсках по прошествии двух месяцев начался голод, а среди местного населения встречаются случаи людоедства. Петр направил сына фельдмаршала Михаила к отцу с целью затребовать от того письменного объяснения, а до окончания расследования приказал во всем повиноваться посланному под Ригу Меншикову.

После начавшейся в русском лагере чумы Меншиков покинул осадный корпус, и Шереметеву пришлось одновременно и осаждать Ригу, и бороться с мором, охватившим войска и осажденных жителей Риги. 11 июня он потребовал от коменданта города сдачи. Но комендант просил на раздумье четыре недели и даже стал доказывать, что ему необходимо выяснить в Динамюнде, может ли он надеяться на помощь. Фельдмаршал отказал в просьбе и снова стал настаивать на сдаче Риги.

4 июля 1710 года город капитулировал. Перед своим уходом из города генерал-губернатор и его чиновники вывезли не только свое имущество, но даже библиотеку и архив.

После торжественного вступления русских войск в Ригу 7 августа последовала капитуляция Динамюнде.

Но еще до сдачи Динамюнда Петр I известил Шереметева о его будущем новом назначении. Назревала война с Турцией, которая готовилась оказать поддержку ставленнику Карла XII Станиславу Лещинскому, претендующему на польский престол. 13 августа Шереметев выехал из Риги, но уже с полдороги был по приказанию царя возвращен обратно в Прибалтику. Оставшиеся генералы сообщили фельдмаршалу, что в войсках имеется минимум продовольствия и достать его негде, поскольку все окрестности опустошены.

В ноябре 1710 года султан объявил войну России. Русские войска выступили в поход, но Шереметеву Петр I приказал оставаться под Ригой и любой ценой достать продовольствие для ее гарнизона. Фельдмаршал покинул Ригу лишь 11 февраля 1711 года и отправился к южным границам. Проезд по дорогам затрудняла оттепель и половодье.

Войска для похода не были собраны, но Петр I торопил события. Шереметев пытался возражать, доказывая, что войска устали после непрерывных походов 1709–1710 годов, не имеют ни продовольствия, ни подвод и ощущают недостаток в боеприпасах. На Украине, по которой проходили русские войска,

в предшествующем году был недород, сопровождавшийся массовым падежом скота.

Но Петр продолжал ускорять события. Он приставил к Шереметеву гвардии подполковника князя В. В. Долгорукова, которому приказал заставлять фельдмаршала двигаться быстрее. Однако лишь 30 мая армия Шереметева перешла Днестр.

К этому времени турки форсировали Дунай и теперь двигались навстречу русским войскам. В армии по-прежнему ощущался недостаток хлеба, который приходилось заменять мясом; лошадям не хватало фуража, поскольку палящее солнце выжгло траву. Воды также не хватало, а та, что удавалось найти, оказывалась непригодной для питья.

Подошли к Пруту. Военный совет 5 июня 1711 года постановил двигаться вниз по течению реки, не углубляясь далеко вперед.

Численными сведениями о противнике ни Петр I, ни Шереметев не располагали, однако агенты союзника царя князя Кантемира постоянно уверяли Петра, что турки ужасно боятся встречи с русскими войсками. Царь был также уверен, что после первых столкновений с турками их христианские подданные немедленно восстанут и это облегчит проведение кампании.

Эти сведения подтолкнули царя к проведению более широкой наступательной политики. Однако войска Шереметева еще не были соединены с другими частями, подходившими к Пруту (дивизиями Вейде, Репнина и гвардейскими полками), в то время как армия визиря уже соединилась с конницей крымского хана. 8 июля был взят пленный татарин, сообщивший, что численность турецко-крымского войска достигла 140 тысяч человек и великий визирь готовит на 10 июля генеральное сражение.

Однако сражение началось в тот же день. Желая изменить невыгодные позиции, на которых остановилась русская армия, Петр I приказал отступать.

Турки и крымцы начали преследование, но были отражены ружейным и артиллерийским огнем. Русские полки остановились в долине реки Прут, где и произошло сражение, продолжавшееся весь день 8 июля и часть следующего дня.

Пользуясь численным превосходством, противник почти вплотную подошел к русскому лагерю, но был отражен артиллерийским огнем.

Утром 10 июля по приказу Петра I в лагерь турок был направлен парламентар для переговоров о перемирии.

В конечном итоге между уполномоченным царя вице-канцлером П. И. Шафировым и великим визирем был подписан мир, предусматривавший возвращение туркам крепости Азов, срытие Таганрога и Каменного Затона. Россия не вмешивалась в польские дела и обеспечивала беспрепятственный проезд Карла XII из Бендер в Швецию.

Поскольку переговоры велись от имени русского главнокомандующего, визирь потребовал прибытия в его лагерь вице-канцлера и сына фельдмаршала Михаила. Петр I предварительно произвел Михаила Шереметева из полковников в генералы, выдал жалованье на год вперед и наградил своим портретом в бриллиантовой оправе.

12 июля русская армия медленно тронулась в обратный путь. Через десять дней она перешла Прут, а 1 августа — Днестр. За участие в Прутском походе фельдмаршал Шереметев был награжден домом в Риге.

Армия под командованием фельдмаршала осталась на Украине для наблюдения за переездом Карла XII из Бендер в Швецию. В планы царя не входило восстановление на польском престоле Станислава Лещинского, а это могло случиться, если бы Карл ехал через Польшу. Сам же Петр I отправился за границу и предоставил фельдмаршалу полную инициативу в ведении всех дел. Но к подобной инициативе Шереметев не был приучен и опасался принимать собственное решение.

После улучшения русско-турецких отношений, в марте 1712 года, он отбыл в Москву, а затем в Петербург, где обратился к царю с просьбой отпустить его на покой в Киево-Печерскую лавру, в которой когда-то проходили его юные годы.

Однако Петр был вовсе не склонен расставаться со своим фельдмаршалом. Напротив, он женил 60-летнего овдовевшего старика на Анне Петровне Салтыковой — вдове дяди царя Льва Кирилловича Нарышкина. Брак этот принес старому фельдмаршалу четверых детей, но спустя два года его постигло новое личное горе — возвращаясь из Стамбула, в пути заболел и скончался Михаил Шереметев.

Улучшение отношений с Турцией позволило перебросить большую часть войск на север, где начиналась новая кампания против шведов. В октябре 1713 года уже вся Померания была в руках Северного союза. Поскольку Меншиков испортил отношения с королем Дании, он уже не мог оставаться на посту командующего русскими войсками в Померании, и потому в феврале 1714 года царь вновь позвал к себе Шереметева.

Проведя в Петербурге несколько месяцев, фельдмаршал наконец отправился к армии. Войска его двигались через Польшу, где самые разные круги польского общества стали требовать неожиданной остановки русских войск. Говорили, что в случае их ухода в Польше вспыхнет бунт сторонников Станислава Лещинского, а это, в свою очередь, потребует отзыва саксонских войск из Померании для борьбы с конфедератами. Это мнение разделял и русский посол в Варшаве.

Однако его коллеги — русские послы в Копенгагене и Берлине, напротив, требовали скорейшего прибытия хотя бы части русских войск к Штральзунду, осажденному войсками союзников. Они запугивали Шереметева тем, что в противном случае короли Дании и Пруссии могут прекратить снабжение продовольствием русских войск.

Шереметев также не мог не понимать, что дальнейшее пребывание русских войск в Польше может быть сочтено султаном нарушением соглашений Прутского договора 1711 года. Все это побуждало его к выводу русских войск из Польши, однако не такому быстрому, как того хотели русские представители в Берлине и Копенгагене. Пока войска медленно двигались через Польшу, союзники овладели островом Рюген, после чего уведомили Шереметева, что не нуждаются в помощи русских войск в Померании, которые теперь могут оставаться в Польше.

Между тем в русских войсках кончалось продовольствие и начинался голод. Это вынуждало Шереметева принимать меры к рассредоточению своего войска, чтобы хоть как-то улучшить его снабжение.

Наконец Петр I повелел Шереметеву не выступать против желаний прусского короля и оставаться в Польше. Около ста самых рослых гренадер из корпуса Шереметева царь подарил прусскому королю для пополнения его гвардии. В ответ прусский монарх подарил Петру I знаменитую Янтарную комнату.

В середине декабря 1715 года Карл XII бежал на корабле из осажденного Штральзунда, и союзники овладели последней крепостью в Померании. Вернувшийся в Варшаву Август II наградил Шереметева орденом Белого Орла, а затем потребовал от него скорейшего вывода русских войск из Польши. Русский военный совет также постановил вернуться в Россию. Но в это же время был получен новый приказ царя — немедленно двигаться в Померанию, вне зависимости от того, как отнесется к тому прусский король. Для лучшего исполнения царской воли к Шереметеву вновь был прислан генерал-лейтенант князь В. В. Долгоруков.

В феврале 1716 года войска Шереметева находились уже в Померании, где фельдмаршал неоднократно встречался с царем для обсуждения с ним планов проведения кампании.

В июне 1718 года фельдмаршал был вызван из Москвы в Петербург для участия в суде над царевичем Алексеем. Но в Петербург Шереметев не поехал, сославшись на свою тяжелую болезнь. Царь вовсе не был склонен верить фельдмаршалу и подозревал, что Шереметев тайно сочувствовал делу царевича.

Он разрешил фельдмаршалу отправиться для лечения на воды с условием, что после возвращения с них Шереметев приедет в Петербург. Однако сил на поездку на воды у фельдмаршала уже не было. Царь все еще не верил, что Шереметев действительно болен, и потому отдал приказ обер-коменданту Москвы И. Измайлову непременно доставить фельдмаршала в Петербург по зимнему первопутку.

20 ноября тот распорядился подать к дому Шереметева кареты и подводы, чтобы везти его в Петербург. Но, войдя в дом фельдмаршала, Измайлов убедился, что тот действительно плох и врачи ни в коем случае не советуют отправлять его в стужу в дальнюю дорогу. По мнению медиков, Шереметев страдал водяной болезнью, принявшей тяжелую форму. Все эти сообщения развеяли сомнения царя, и он уже не требовал прибытия к себе фельдмаршала.

Незадолго до своей кончины (17 февраля 1719 года) Шереметев составил завещание, в котором выразил желание быть погребенным в Киево-Печерской лавре, где когда-то хотел постричься. Здесь уже имелась могила его сына Михаила.

Но царь считал, что могила первого российского генерал-фельдмаршала должна находиться в Александро-Невской лавре, где откроются захоронения лиц, прославивших Россию.

Прах Шереметева был доставлен в новую столицу России, ему были устроены торжественные похороны в недавно освященной Лазаревской церкви Александро-Невской лавры. За гробом Бориса Петровича Шереметева шел сам Петр I.

АПРАКСИН

Федор Матвеевич

(27.11.1661 – 10.11.1728)

**Граф,
генерал-адмирал (1708)**

Брат царицы Марфы Матвеевны — супруги царя Федора Алексеевича. В 1682 году был стольником у царя Петра Алексеевича. В 1693 году он был назначен двинским воеводою и направлен в Архангельск. Этот город в то время был единственным портом России на севере, через который осуществлялась вся торговля с заграницей. Находясь в Архангельске, Апраксин осуществил постройку первого казенного купеческого корабля на верфи в Соломбале и посылал его за границу с торговой миссией.

В 1696 году Апраксин принимал участие в Азовском походе. Уезжая с посольством за границу, царь Петр оставляет Апраксина осуществлять надзор за судостроением на воронежской верфи. В августе 1699 года уже после возвращения Петра Апраксин участвует в первых маневрах русского флота. В феврале следующего года Федор Апраксин становится главным начальником Адмиралтейского приказа, получив звание адмиралтейца. В это же время он получает назначение на должность азовского губернатора. За шесть лет он смог многое сделать для развития нового российского флота — были построены новые суда, город Азов был перестроен, а построенный Таганрог имел удобную гавань для военных кораблей и Троицкую крепость. В устье реки Миус была также возведена Павловская крепость. Кроме этого была перестроена воронежская верфь и заложены новые — в Таврове и Новопавловске, — снабженные удобными доками и шлюзами.

В 1700 году, воспользовавшись благоприятной политической обстановкой в Европе, Петр I начал войну против Швеции, вошедшую в историю под названием Северной войны. Война продолжалась до 1721 года и закончилась победой России.

В ходе Северной войны, в которой активное участие принимал военно-морской флот, с особой яркостью проявился талант Апраксина как флотоводца, внесшего существенный вклад в развитие военно-морского искусства, особенно в области совместных действий армии и флота.

С 1708 года Апраксин стал носить титул генерал-адмирала. Осенью того же года он возглавил командование войсками, оборонявшими Ингерманландию от шведов. Шведская армия летом 1708 года начала наступление в направлении Петербурга с целью захвата города. Войскам Апраксина противостоял двенадцатитысячный корпус под командованием генерала Либекера, расположенный в районе Выборга. Наступление шведов летом 1708 года было замедлено из-за проливных дождей, превративших дороги в непролазную грязь. В конце августа шведы перешли реку Сестру и через несколько дней появились в селе Колтуши, создав непосредственную угрозу Петербургу. В распоряжении Апраксина имелось более 23 тысяч солдат, но большая их часть была распределена по отдельным укрепленным пунктам, так что против шведов он мог выставить отряд, значительно уступающий по численности

войску Либекера. Продолжая наступление, Либекер смог закрепиться на южном берегу Невы и обеспечить переправу через нее основных сил и продолжил дальнейшее движение вглубь Ингерманландии. Понимая, что остановить шведов в решающем сражении имеющимися у него силами будет крайне сложно, Апраксин решил взять шведов измором. Он нашел достаточно эффективный способ борьбы с противником. Отрезав его от баз снабжения и лишив подвоза продовольствия и боеприпасов, он держал корпус Либекера в постоянном напряжении и на голодном пайке. Апраксин стал систематически беспокоить шведов мелкими нападениями, разоряя край и уничтожая продовольствие. Голодные и измученные шведские войска, лишенные возможности вернуться к Выборгу, так как эту дорогу преграждали части Апраксина, подошли к Копорью, отказавшись от нападения на Петербург и надеясь достигнуть Выборга морем. Там на Сойкиной мызе стояла шведская эскадра, и 29 сентября корпус Либекера начал погрузку на суда. Апраксин получил донесения о действиях шведов только 12 октября и бросился вдогонку за противником. Он успел лишь разгромить шведский арьергард, а основные силы шведов ушли на судах в Бьеркезунд. Шведская экспедиция окончилась неудачей. За проявленное воинское искусство и охрану Петербурга от вражеского нападения Петр I приказал выбить особую медаль с изображением портрета графа Апраксина и надписью: «Царского величества адмирал Ф.М. Апраксин» на одной стороне, а на другой — изображение флота, построившегося в линию, с надписью: «Храня сие не спит: лучше смерть, а не неверность».

Летом 1709 года в ходе Северной войны произошел перелом в пользу России. Разгромив главные силы сухопутной армии шведов на Украине, Петр I перебросил основные силы своей армии на балтийское направление, за короткий срок заняв южное побережье Финского залива. В наступлении русской армии и флота в Финляндии, которое продолжалось в течение десяти лет, Федор Апраксин принимал самое активное участие. Командуя гребным флотом, он отличился в ряде крупных операций, первой из которых стало взятие сильной крепости Выборга. Эту крепость шведы использовали в качестве основной базы для нападения на Петербург.

В марте 1710 года графу Апраксину было вверено командование десяти тысячным корпусом, который перешел по льду Финского залива и осадил крепость. К началу мая транспортная флотилия, пройдя через ледяные поля залива, доставила Апраксину необходимые для осады артиллерию, боеприпасы и продовольствие. Получив подкрепление, Апраксин перешел к решительным действиям против гарнизона крепости, и 13 июня Выборг был взят. Он умело провел осаду и хорошо организовал

Федор Матвеевич Апраксин.
Неизвестный художник. Нач. XVIII века

взаимодействие сухопутных войск и гребной флотилии, которая штурмовала Выборг со стороны залива и не допустила в него шведскую эскадру, появившуюся перед входом в залив в середине мая. После сдачи крепости Петр собственноручно возложил на Апраксина орден Св. Андрея Первозванного и золотую шпагу, украшенную бриллиантами.

После взятия Выборга Апраксин оставался в крепости, руководя исправлением поврежденных осадой укреплений.

При перенесении боевых действий на собственную территорию Швеции перед Апраксиным была поставлена задача завоевания южного побережья Финляндии. В 1712 году Апраксин был назначен главным начальником над Эстляндией, Ингерманландией и Карелией с подчинением ему всех сухопутных и морских сил, находящихся на этих территориях. В этом же году он был поставлен во главе особого корпуса, которому предстояло занять Гельсингфорс и Або, со взятием которых Петр I рассчитывал склонить Швецию к подписанию мира. Финская кампания началась в конце апреля 1713 года. Под командованием Апраксина находилось 200 кораблей гребного флота и шестнадцатитысячный десантный корпус. В начале мая флот подошел к Гельсингфорсу, защищенному с моря береговой артиллерией. Русский десант, высаженный на берег под прикрытием своей корабельной артиллерии, захватил город, вынудив шведов отступить к Борго. Город был превращен в промежуточную базу для развертывания дальнейшего наступления. Затем рус-

ские войска двинулись к Або, который был занят без боя 28 августа 1713 года. Захватив военные трофеи, войска отошли на зимние квартиры в Петербург. Заслужив Апраксина в этой кампании явилось то, что он смог в короткий срок хорошо подготовить гребной флот и десант к боевым действиям, а в ходе самой кампании обеспечить войска всем необходимым для успешного проведения военных операций.

В следующем году была поставлена задача — завершить завоевание Финляндии и утвердиться на побережье Ботнического залива. Гребной флот, который снова возглавил Апраксин, направился к Гельсингфорсу, а парусный вышел под флагом Петра I к Ревелю. Парусный флот должен был прикрывать гребной на случай нападения противника. На подходе к Гельсингфорсу флот Апраксина был встречен шведской эскадрой в составе 16 линейных кораблей и 12 более мелких судов, преградивших проход русской флотилии. Вступить в бой со значительно превосходящим по численности и силе противником Апраксин не решился, и, не взяв на себя ответственность за дальнейший ход событий, обратился к Петру. Изучив обстановку, Петр I принимает неординарное решение, ставшее для шведов неожиданным. Используя полный штиль и совершив диверсию в тылу шведского флота, русская гребная флотилия с боем прорвалась мимо шведской эскадры, нанеся последней значительный урон. Сам Апраксин не принимал участия в этом бою, оставаясь во главе резервного отряда кораблей. Эта победа заставила шведов полностью очистить Финский залив и позволила России выйти в Балтийское море. Хотя всей операцией руководил лично Петр I, лавры победителя достались и Апраксину как командующему гребным флотом.

В 1714 году над Апраксиным было назначено первое следствие по обвинению в злоупотреблениях в подведомственных ему частях. Несмотря на то что сам Апраксин был признан невиновным, он был «оштрафован» из-за того, что допустил злоупотребления среди подчиненных.

Апраксин продолжал командовать гребным флотом и руководил боевыми действиями в районе Або-Аландского архипелага, где шведы продолжали оказывать сопротивление. Часто во главе отрядов гребных кораблей он проводил смелые, дерзкие набегии, и Петр писал ему, чтобы он «не вдавал себя в азарт». Обычно Апраксин отвечал на это, что «он иначе поступать не может, так как шведы, как диаволы, вертятся у Гангута...»

После овладения всей Финляндией Апраксин был поставлен фактически во главе управления занятыми землями, имея ближайшим помощником князя М. М. Голицына, а должность губернатора исполнял граф Густав Отто Дуглас. Сам Апраксин правил Финляндией из Петербурга, сохранив за собой управление краем

до 1719 года. В 1716 году, командуя галерным флотом, Апраксин действовал против шведов в Финляндии, а в 1717 году, командуя корабельным флотом в Балтийском море, он произвел высадку на остров Готланд. Высадив на остров десант в количестве 900 человек и не встретив со стороны шведов никакого сопротивления, отряд продвинулся вглубь острова на пять миль и захватил большое количество продовольствия и скота, предназначавшегося для обеспечения питанием шведских экипажей. Узнав об этой вылазке, Петр I остался весьма доволен действиями Апраксина.

В 1717 году Апраксин занял высшую должность в военно-морском флоте, став президентом Адмиралтейств-коллегии и сенатором. Это назначение положительно сказалось на всех сторонах жизни флота в целом и личного состава в частности, у которого Апраксин пользовался заслуженным уважением и авторитетом.

В 1718 году он становится вторым членом следственной комиссии по делу цесаревича Алексея Петровича. И в том же году «за злоупотребления» он вторично был подвергнут аресту и даже лишению имущества и достоинства, но затем, за прежние заслуги, дело ограничилось денежным взысканием.

В мае 1719 года граф Апраксин был назначен эстляндским генерал-губернатором и отправлен в Финляндию для руководства армией и флотом. Петр вручил ему инструкцию, которой он должен был строго руководствоваться при проведении операций на побережье Швеции. Впервые за период Северной войны русскому флоту пришлось проводить такие широкомасштабные операции с использованием многотысячных десантных войск и основных сил как гребного, так и парусного флота. Опыта подобных операций русское командование не имело, поэтому и Апраксин, и все те, кто был привлечен к военным действиям, проводили тщательную подготовку и разрабатывали детальный план операции. Но вся ответственность за действия войск легла на Апраксина. Он привлек местных жителей в качестве лоцманов и детально изучил фарватер, так как сложный рельеф побережья затруднял подходы кораблей к берегу. После проведения тщательной разведки были разработаны маршруты следования кораблей и места высадки войск. Для защиты фарватера и мест высадки был выделен специальный отряд судов. Всего в подчинении у Апраксина находилось около 26 тысяч десантных войск, свыше 230 гребных судов различных типов и эскадра парусного флота в составе 21 линейного корабля, 5 фрегатов, 2 бомбардирских кораблей и 12 вспомогательных судов. По плану высадка десанта проводилась на широком фронте севернее и южнее Стокгольма. Операция началась 13 июля 1719 года. Шведы, застигнутые врасплох, оказывали слабое сопротивление, но в некоторых местах, где стояли значительные гарнизоны шведских войск, произошли серьезные бои. Основной удар десанта был

направлен на разгром промышленных объектов. Так, в районе между Стокгольмом и Норчепингом, где действовал гребной флот под личным командованием Апраксина, были разрушены заводы по переработке меди и железа, уничтожены рудники и шахты, захвачены или сожжены десятки торговых кораблей. Боевые действия продолжались более месяца. Швеции был нанесен огромный урон. Но, рассчитывая на помощь Англии, шведское правительство не спешило заключить мирный договор с Россией.

Всего за период с 1719-го по 1721 год на побережье Швеции было проведено около пятидесяти десантных операций. Все крупномасштабные морские предприятия были проведены при непосредственном руководстве Апраксина, который в большинстве случаев выступал прекрасным исполнителем планов царя Петра. Успехи русских десантов сыграли важную роль в согласии Швеции на заключение мира.

22 октября 1721 года при заключении Ништадтского мира Апраксин получил от императора право носить кайзер-флаг, утвердив его тем самым в звании генерал-адмирала.

Окончив Северную войну, император обратил свои взоры на юг России. В 1722 году Апраксин сопровождал Петра в Персидском походе в звании главнокомандующего флотом, а войсками командовал лично император. Местом сосредоточения войск стала Астрахань, как наиболее удобный порт в устье Волги. В этом походе флот обеспечивал поддержку действий сухопутных войск на берегу и снабжал армию всем необходимым. По окончании похода и возвращении в Петербург генерал-адмирал Апраксин принимает командование Балтийским флотом, который к тому времени насчитывал 24 линейных корабля, 5 фрегатов и большое количество других видов парусных и гребных судов.

Со смертью Петра I закончилась и морская карьера Федора Матвеевича Апраксина. Только в 1726 году он во главе эскадры выходил в море на защиту Ревеля от нападения английского флота. В том же году он был назначен членом новоучрежденного Верховного тайного совета.

В 1727 году он отправился в Москву, где 10 ноября 1728 года в возрасте шестидесяти семи лет скончался. Он был похоронен со всеми воинскими почестями в Златоустовском монастыре.

По отзывам современников граф Ф.М. Апраксин отличался умом, любезностью и искренним желанием быть каждому полезным. Вся его деятельность была тесно связана с российским флотом, который он страстно любил и которому отдавал свои знания и опыт.

Отдавая должное этому флотоводцу, его именем был назван броненосец береговой охраны, построенный в 1896 году. Броненосец «Генерал-адмирал Апраксин» встал в ряд с однотипными кораблями «Адмирал Ушаков» и «Адмирал Сенявин».

МЕНШИКОВ

Александр Данилович

(1673 – 1729)

Портрет А. Д. Меншикова.
Неизв. художник. 1716–20 гг.

**Светлейший князь (1707),
генералиссимус (1727)**

Петр I, названный за свои деяния Великим, обладал даром угадывать таланты окружающих его людей, выбирая из них помощников в своих государственных делах. При этом он не взирал ни на их происхождение, ни на национальность — ключевым для него было лишь то, чтобы они хорошо знали свое дело и были усердными исполнителями его планов. Главным соратником Петра по праву считается Александр Данилович Меншиков.

История не сохранила точных сведений о его происхождении. По одним данным, его отец служил в войске царя Алексея Михайловича, а сам Александр был конюхом при дворе царя. Веселый парень полюбился молодому Петру, и он перевел его в свои денщики, а впоследствии начал давать ответственные поручения.

С первых дней Северной войны Меншиков находится рядом с Петром, выполняя при этом и самые разнообразные его поручения.

За храбрость, проявленную Меншиковым осенью 1702 года при штурме Нотебурга, Петр назначил его комендантом этой крепости, переименованной в Шлиссельбург.

Отбыв в Москву и Воронеж, царь оставил Меншикова в Шлиссельбурге, где тот развернул интенсивную деятельность: организовал диверсии на вражеской территории, строил металлургические Петровский и Олонецкий заводы, на которых уже спустя год после их закладки отливали пушки. Но главным его делом в Шлиссельбурге стало участие в строительстве Балтийского флота.

Вскоре после овладения русскими войсками крепостью Ниеншанц шведский адмирал Нумерс, не знавший о ее падении, вошел с отрядом кораблей в устье Невы. Два корабля встали недалеко от крепости.

Петр решил захватить вражеские суда. На рассвете 7 мая 1703 года от берега отчалили 30 лодок с солдатами, вооруженными ружьями и гранатами. Одной частью их командовал Петр, другой — Меншиков. Подойдя скрытно к кораблям, они в течение нескольких минут взяли их на бордаж.

Но Александр Данилович получил и другую награду — право содержать за свой счет отряд телохранителей. Таким правом никто до сих пор не пользовался, кроме самого царя.

Царь считал взятие этих кораблей своей первой морской победой. Он наградил себя орденом Св. Андрея Первозванного. Подобную награду получил и Меншиков.

В 1704 году началась осада Нарвы. Из сведений, полученных русской разведкой, выяснилось, что комендант крепости А. Горн ждет подхода подкреплений. Было решено, не дожидаясь их, самим атаковать неприятеля, применив при этом военную хитрость.

Два русских полка были переодеты в синие мундиры, напомиавшие форму шведских войск. Ими командовал сам Петр. Русскими войсками, «отражающими натиск шведов», командовал Меншиков. Хитрость удалась, и шведы поверили, что к ним подошла помощь. Горн приказал открыть крепостные ворота и нанести по русским войскам удар с тыла. Но такие действия противника и предусматривал русский план. В ходе шведской вылазки противнику было нанесено серьезное поражение, и вскоре крепость пала.

В июле 1704 года войска под командованием Меншикова отразили набеги десанта противника на Петербург и Кронштадт. За отражение наступления противника на новую русскую столицу и ее военно-морскую базу Петр присвоил Меншикову звание генерал-поручика.

После взятия Нарвы главные военные действия переместились в Польшу, где шведские войска под командованием самого Карла XII энергично преследовали Августа II. Пользуясь тем, что шведский король надолго увяз в Польше, Петр готовил армию к новым боям. Была полностью восстановлена артиллерия, потерянная под Нарвой в 1700 году.

В 1704 году Карл XII объявил, что он лишает Августа II польской короны и вручает ее своему ставленнику Станиславу Лещинскому. Это сразу раскололо польских магнатов и шляхту на два враждебных лагеря, каждый из которых поддерживал своего претендента.

И Август, и Петр были кровно заинтересованы в продолжении союзнических отношений. Август — потому, что знал, что без России он не сможет вернуть себе польскую корону, Петр же для того, чтобы получить отсрочку перед неизбежным вторжением в Россию войск Карла XII.

Между обоими монархами был заключен новый договор, согласно которому они обязались воевать со Швецией до заключения выгодного мира и не вступать ни в какие отдельные переговоры со шведским королем. Поскольку Август уже не имел боеспособного войска, Петр предоставил в распоряжение Саксонии 12-тысячный корпус и обязался выдавать Августу II ежегодную субсидию в размере 200 тысяч рублей.

Осенью в Польшу были направлены два русских войска под командованием А.И. Репнина и Б.П. Шереметева. После отъезда второго в 1705 году на подавление астраханского восстания общее командование обоими войсками Петр поручил нанятому на русскую службу фельдмаршалу Огильви.

Командование русской кавалерией было поручено Меншикову.

За разгром отрядов шляхты, поддерживающей Станислава Лещинского, Меншиков был награжден Августом II орденом Белого Орла.

В середине октября корпус Меншикова соединился с подошедшими к нему польско-саксонскими войсками, которые привел сам Август II. Меншиков начал готовиться к сражению со шведским отрядом, оставленным Карлом XII.

В 2 часа дня 18 октября сражение началось. В центре атакующих войск находились русские драгунские полки. Поляки, сторонники шведов, не выдержали их удара и поспешили бежать с поля боя. Но шведские полки не только остановили натиск русских, но и заставили их повернуть вспять. В этот момент Меншиков сам кинулся в схватку. Заметив, что преследовавшая русских шведская кавалерия оставила свою пехоту без прикрытия, он приказал нескольким драгунам спешиться и атаковать шведов. Одновременно русская кавалерия обошла фланги противника и отрезала им путь к отступлению. Несмотря на то что русские потеряли в сражении при Калише 80 человек убитыми и 320 ранеными, а сам Меншиков получил легкое ранение, победа была полной. Большая часть шведской армии, противостоявшая Меншикову, была разгромлена. Спасти удалось лишь немногим кавалеристам. 1800 человек во главе с Мардефельдом оказались в плену.

Калишское сражение стало первой крупной победой, одержанной русскими войсками в годы Северной войны. До этого победы были над небольшими отрядами и двумя-тремя кораблями противника.

Еще ни в одном из боев не был пленен шведский генерал.

«Я был вполне всем доволен, — писал Август II Петру, — и если могу на что жаловаться, так это на князя Александра, потому что он в этой войне, ревнуя о славе вашего величества и о нашей общей пользе, подвергал себя очевидной опасности и тем причинил мне немалое беспокойство». Петр лично создал для своего любимца награду — нарисовал эскиз дорожной трости, украшенной алмазами, изумрудами и гербом Меншикова.

В начале 1708 года шведские войска двинулись на Россию. Шведам противостояла русская армия (57,5 тысячи против 44 тысяч шведов) под командованием Б. П. Шереметева, при ко-

торой находился и Меншиков. Он по-прежнему командовал кавалерией, которая составляла арьергард всего русского войска. Меншиков не только оборонялся, но и атаковал шведов.

Пользуясь тем, что шведы проходили в сутки не более 6–7 верст, русскому арьергарду удавалось оставлять противника без продовольствия и фуража.

Поскольку шведская армия уже начинала роптать на отсутствие продовольствия и начались побеги (пока лишь наемников), Карл XII приказал 2 июня рижскому генералу Левенгаупту доставить в его армию продовольствие под охраной своего корпуса, который, в свою очередь, должен был пополнить армию короля.

Подготовка обоза заняла полтора месяца, и только 15 июля Левенгаупт смог выйти из Риги. В пути то и дело случались остановки, поскольку тощие лошади, собранные по всей Лифляндии, не могли тащить старые телеги с продовольствием и боеприпасами.

Через несколько дней сведения о выходе Левенгаупта дошли до самого Петра. Предстояло не только лишить шведов продовольствия и боеприпасов, но и разгромить их значительные силы (16 тысяч). Следить за движением Левенгаупта должен был Меншиков, которому предстояло соединиться с войсками генерала Р. Х. Баура.

Карл XII уже давно оставил мысль идти на Москву через Смоленск, поскольку понимал, что на своем пути он также не найдет продовольствие. Едва ли не впервые за свою полководческую жизнь он собрал военный совет, на котором поставил перед собравшимися вопрос о направлении, которым следовало двигаться королевскому войску. Большинство высказалось за отход к Могилеву, чтобы дожидаться там прихода Левенгаупта. И только соединившись с ним можно было идти на Украину.

Но движение на Могилев означало для короля отступление, на которое он не соглашался. Идти же навстречу Левенгаупту также было невозможно, ведь никто не знал, где находится его корпус с обозами.

Оставался лишь один выход: двигаться на Украину, куда звал короля гетман И. Мазепа, обещая снабдить шведов всем необходимым, а кроме того выставить на помощь королю 20–30 тысяч казаков. Карл XII надеялся на восстание донских казаков, а также на помощь турок и крымских татар.

15 сентября было принято окончательное решение о походе на Украину, чтобы до наступления зимы расположиться там на зимних квартирах.

Узнав о повороте в ходе кампании, Петр приказал генералам Шереметеву, Гольцу и Ифлянту отправиться следом за швед-

ским войском, устраивая по пути шведов засеки и превращая близлежащую местность в пустыню.

На военном совете 14 сентября было решено атаковать Левенгаупта. Для нападения на него был сформирован летучий отряд («корволант») в составе 10 тысяч человек. Две его колонны возглавили Петр и Меншиков.

Левенгаупт, зная о движении навстречу ему русских, пытался избежать сражения и ускользнуть от них на соединение с королем. Ему удалось переправить обоз через Днепр в районе Шклова, а чтобы ввести русских в заблуждение, посланный в их лагерь шпион объявил царю, что обоз находится на правом берегу Днепра и намерен двигаться в сторону Орши. Петр поверил в обман и потерял почти сутки на ожидание Левенгаупта.

Когда выяснилось истинное положение, Петр понял, что теперь предстоит не преграждать путь Левенгаупту, а догонять его

Меншиков Александр Данилович (светлейший князь, герцог Ижорский и Козельский, генералиссимус). А. Шонебек. Гравюра

войска. К тому же Меншиков, находившийся в авангарде, сообщил царю, что силы шведов равны не 8 тысячам, а в два раза больше. Генерал Баур, подхода которого Петр с нетерпением ожидал, пока не соединился с войсками Петра.

Царь созвал военный совет, на котором поставил вопрос: дожидаться ли подхода Баура или атаковать Левенгаупта своими силами? Совет решительно высказался за нападение на Левенгаупта до подхода Баура.

26 сентября начались первые столкновения с корпусом Левенгаупта. Командир шведского корпуса, зная, что в его тылу появились русские, приказал разрушить мосты через речку и занял оборону на возвышенном берегу. Завязалась артиллерийская дуэль. Под прикрытием огня главные шведские силы отошли. Ночью русские восстановили два моста и переправились через речку. Левенгаупт был настигнут у деревни Лесной.

Петру удалось самому выбрать место для предстоящего сражения. Оно представляло большую поляну, со всех сторон окруженную лесом. Это не позволяло Левенгаупту использовать свое численное превосходство и давало возможность русским бить шведов по частям.

Спустя несколько часов после начала сражения обе стороны выдохлись и использовали время отдыха для пополнения армии. После отдыха сражение возобновилось, но к этому времени к русским подошли драгуны Баура, обрушившиеся на шведов, которые стали беспорядочно отступать.

Ночь и начавшаяся снежная вьюга прекратили преследование. Под прикрытием темноты Левенгаупт приказал солдатам жечь телеги. Это должно было показать русским, что его солдаты греются у костров. Под покровом ночи он бежал в сторону Пропойска. Шведы попытались увезти остатки обоза и артиллерию, но пушки застряли в болоте, и вытащить их оттуда было невозможно. Но даже те обозы, которые шведам удалось довести до Пропойска, были там сожжены, поскольку преследование русских возобновилось.

В сражении при Лесной русские потеряли убитыми 1111 человек, ранеными — 2856. Потери шведов составили около 8 тысяч убитыми и ранеными, множество солдат и офицеров попало в плен.

1 октября в ставку Карла XII прибежал солдат, рассказавший королю о поражении при Лесной. Карл не поверил этому, решив, что один из его лучших генералов, командовавший войсками, состоявшими из шведов, не мог потерпеть поражение. Но 12 октября к нему прибыл сам Левенгаупт, приведя 6500–6700 уцелевших солдат своего корпуса.

Петр назвал сражение при Лесной «матерью Полтавской баталии». Значение его было тем более важным, что впервые русскими были разгромлены шведские войска, численно их превосходившие.

Карл XII окончательно убедился в необходимости идти на Украину, куда звал его гетман Мазепа, изменивший царю.

И Петр, и Меншиков всегда верили в преданность гетмана. Но последние доносы от генерального судьи Василия Кочубея и полтавского полковника Искры обвиняли Мазепу в сношениях с Карлом XII и Станиславом Лещинским. Меншиков и Ф. А. Головин доказывали царю, что гетман невиновен. Сам Мазепа убеждал Меншикова, что Кочубей — его давний враг и уже не раз писал на него доносы. Сейчас он сообщил, что Кочубей и Искра находятся под стражей, уже подвергались пыткам, и теперь гетман требовал их голов.

Царь распорядился о выдаче Кочубея и Искры Мазепе, и 14 июня 1708 года те были казнены. Петр выдал гетману специальную грамоту, в которой заверял его, что не оставит без милости его верность, и сам дал обязательство не верить никаким доносам на Мазепу.

Вскоре после сражения при Лесной кавалерия под командованием Меншикова была отправлена на Украину. Меншиков пригласил Мазепу обсудить планы совместных действий против шведов. Но гетман, уже начавший претворять в жизнь собственные планы, стал подозревать, что Меншикову стало известно о его замыслах. Он сказался больным и послал к Меншикову своего племянника А. Я. Войнаровского с письмом, в котором сообщал, что болен и сейчас готовится к сборованию.

Меншиков был страшно огорчен известием о болезни Мазепы, сообщил о ней царю и сам решил приехать проститься с гетманом, о чем сказал Войнаровскому. Услышав об этом от своего племянника, Мазепа вскочил с кровати и вместе со своими многочисленными сообщниками поскакал в Батурино, а затем переправился через Десну, где и встретил шведов.

Приехав к дому гетмана, Меншиков обнаружил, что Мазепы там нет. Отправившись в ставку гетмана в Батурино, Меншиков и там не обнаружил Мазепы. Но неожиданно ему сообщили о захвате гонца прилуцкого полковника Дмитрия Горленко. Сообщник Мазепы извещал, что 24 октября они соединились со шведами.

Теперь главной задачей Мазепы было овладеть своей резиденцией, которую он использовал для складирования продовольствия, предназначенного для шведов. Но значение Батурина понимал и Петр, пославший туда Меншикова. Зная, что к городу

уже направляются шведы и сторонники Мазепы, Петр приказал Меншикову ускорить захват Батурина.

Еще когда Меншиков прибыл к Батурину в поисках Мазепы, его не могло не поразить то обстоятельство, что ворота крепости были засыпаны землей, на стенах выставлены пушки, рядом с которыми стояла гетманская гвардия (сердюки). Теперь, после открывшейся измены Мазепы, войска под командованием Меншикова подошли к Батурину. Меншиков отправил в крепость парламентаря с требованием сдачи.

Поскольку входы в город были завалены, парламентаря втащили на стены веревками, после чего он был доставлен к коменданту Батурина Чечелю — преданному стороннику Мазепы. Чечель отверг требование о сдаче и сказал, что не верит в измену гетмана.

Меншиков уже начал готовиться к штурму, как ночью к нему пришли посланцы Чечеля и сказали, что несмотря на то, что гетман изменил, они остаются верными царю и даже готовы впустить русские войска в Батурино, но просят трое суток на раздумье.

Петр Первый и А. Д. Меншиков. Ю. Панцырев. 1980 г.

Меншиков ответил, что хватит и одной ночи. Он понимал, что Чечель с казаками тянут время, дожидаясь подхода шведов. На следующее утро по войскам Меншикова из крепости был открыт огонь — таким образом время переговоров кончилось.

В этот момент, согласно некоторым сведениям, к Меншикову тайно прибыл старшина Прилуцкого полка Иван Нос, сообщивший ему о существовании тайной калитки, через которую можно скрытно проникнуть в Батурин. Утром Меншиков организовал ложный штурм городских стен, в то время как группа солдат проникла в Батурин тайным ходом. Несмотря на упорное сопротивление защитников крепости, Батурин был взят и сожжен. Из города вывезли 40 орудий и боеприпасов к ним. Те тяжелые орудия, которые не удалось вывезти, были взорваны. Из Батурина в Глухов были доставлены гетманские булава, бунчук и знамена, которые могли понадобиться Петру для избрания нового гетмана.

Петр был чрезвычайно доволен взятием Батурина и пожаловал Меншикову родовое имение Мазепы село Ивановское с деревнями.

Мазепа был потрясен сожжением Батурина. Беды обрушились на изменника одна за другой. Вместо 20–30 тысяч казаков, которые он обещал привести к Карлу XII, ему удалось собрать отряд в десять раз меньше обещанного.

Зимой Петр отъехал в Воронеж, приказав Меншикову неотлучно наблюдать за шведами. В поисках зимних квартир и продовольствия войска Карла XII в небывалые лютые морозы блуждали по заснеженным степям. В это время война уже приобрела народный характер: шведские фуражиры и обозы с продовольствием захватывались, население оказывало яростное сопротивление попыткам шведов занять даже небольшое местечко, как это было с Веприком, жители которого на протяжении недели отстаивали свой город.

В феврале 1709 года жена Меншикова Дарья Михайловна родила сына, крестным отцом которого стал сам царь. По его желанию сын Меншикова был назван двойным именем — Лукой-Петром. Царь сделал своему крестнику подарок — 100 дворов, предоставив отцу крестника право выбора уезда и деревни со 100 дворами. Однако Меншиков не нашел подходящей деревни в 100 дворов, а нашел в 150 дворов и скромно попросил удержать деньги за лишние 50. Петр согласился с выбором Меншикова, а деньги обещал взыскать, когда «Бог даст вам другого сына».

Но кроме получения новых деревень у Меншикова появилось и много новых забот.

Его не оставляла мысль, что в самое ближайшее время будет предпринята попытка овладеть Полтавой — одним из главных центров гетманщины.

Предпринять такую попытку посоветовал Карлу XII Мазепа, указав на то, что взятие этого города окажет соответствующее влияние на все украинское население.

Но значение Полтавы не ограничивалось лишь тем, что это был крупный город в центре Украины. Река Ворскла, на которой находится Полтава, является притоком Днепра. А местечко Переволочна, находящееся в ее устье, позволяло переправить к Карлу XII войска Станислава Лещинского и запорожских казаков. Через Полтаву король мог поддерживать связи с Турцией и крымским ханом. Карл не оставлял надежды, что рано или поздно они вступят в войну с Петром.

1 апреля 1709 года первые шведские отряды появились у стен Полтавы. В течение последующих дней к Полтаве подошли и остальные шведские войска. Через две недели Карл XII провел рекогносцировку всей крепости и, решив, что один из ее валов достаточно низок, приказал предпринять здесь штурм. Приступ стоил шведам 500 человек убитыми, но главная цель так и не была достигнута.

Карл XII перешел к осаде Полтавы, которая надолго затянулась. Руководил обороной Полтавы полковник А.С. Келин. Он не довольствовался пассивной обороной города, но предпринимал вылазки в лагерь противника. Келин поддерживал тесные связи с Меншиковым, который, желая облегчить положение жителей Полтавы, решил устроить диверсию на занимаемую шведами Опошню.

7 мая Меншиков приказал построить поблизости от Опошни на глазах у шведов мост через Ворсклу. Вначале шведы не придали этому значения, но затем русские полки перешли реку и напали на находящиеся в поле шведов. Частью противник был уничтожен, частью захвачен в плен. Все это происходило на глазах шведов, укрывшихся в городе. Гарнизон не рискнул вступить в бой с русскими. В свою очередь, Меншиков не решался штурмовать город и приказал отойти.

Узнав о русском набеге, Карл XII во главе семитысячного кавалерийского отряда сам пошел к Опошне. Но пока он дошел до нее, главные русские силы переправились через Ворсклу, а русский арьергард, не успевший перейти Ворсклу, оказал шведам яростное сопротивление, открыв ружейный и артиллерий-

ский огонь, после которого шведы отошли. В ходе предпринятой диверсии было убито несколько сотен шведов, захвачено в плен 178 рядовых и офицеров и 2 орудия. Было освобождено несколько сот местных жителей, захваченных шведами и увезенных на строительные работы.

4 июня под Полтаву прибыл Петр. В течение 15–20 июня через Ворсклу переправились главные русские силы.

Карл XII, понимая близость генерального сражения, предпринял попытку обезопасить свой тыл взятием Полтавы, но штурм по-прежнему не удался.

Петра не устраивала местность у деревни Петровки, первоначально избранная для поля сражения. Она была слишком открытой, что позволило бы Карлу XII и его войску, отличавшемуся особым умением маневрировать, перестраивать свои боевые порядки в ходе сражения.

За спиной царя уже было сражение в пересеченной местности (у Лесной), которое показало неумение противника сражаться среди лесов и оврагов. Полем сражения Петр избрал местность у деревни Яковцы. 25 июня здесь был сооружен укрепленный лагерь, усиленный шестью редутами, преградившими шведам путь к главным русским силам. На следующий день перпендикулярно к этим редутам было выстроено еще четыре.

Если бы наступавшие попытались прорваться через редуты, они неизбежно оказались бы под перекрестным огнем — в каждом редуте находилась рота солдат. В ходе прорыва через редуты шведы неизбежно расстроили бы свои боевые порядки.

Петр обладал подавляющим численным превосходством. Русские войска насчитывали 42 тысячи регулярных и 5 тысяч иррегулярных войск (казаков и калмыков). На реке Псел находился русский резерв в 40 тысяч человек.

Несмотря на то что численность войска Карла XII равнялась 48 тысячам, из них 1,3 тысячи человек продолжали осаждать Полтаву во избежание удара в тыл. Частично по всему течению Ворсклы до впадения ее в Днепр у Переволочны также были расставлены шведские отряды. 11 тысяч человек шведского войска составляли мазепинцы и запорожцы. Таким образом в Полтавском сражении могло участвовать лишь 28–30 тысяч шведов.

Русские войска обладали превосходством в артиллерии — 102 орудия против 39 шведских орудий.

Накануне сражения Карл XII выехал на рекогносцировку, где получил ранение в ногу. Из-за этого он не мог командовать сам и передал командование фельдмаршалу Реншельду.

В ночь на 27 июня шведские войска были приведены в состояние повышенной боевой готовности. К трем часам утра они подошли к редутам, надеясь ворваться в них под покровом тем-

ноты и овладеть в ходе рукопашной схватки. Командовал шведской пехотой генерал К. Г. Роос, а кавалерией — В. А. Шлиппенбах.

Неожиданно на шведов обрушился ураганный огонь из орудий и ружей защитников редутов. Шведской пехоте все же удалось овладеть двумя недостроенными редутами, кавалерия также оттеснила русских драгун. Но, не имея артиллерии и гранат, шведы несли огромные потери и, потеряв связь с остальными войсками, отошли в Яковецкий лес.

Там они были атакованы русской кавалерией под командованием Меншикова и взяты в плен. Меншиков атаковал резервный корпус противника и почти полностью уничтожил его.

На втором этапе сражения конница под командованием Меншикова обратила в бегство шведскую конницу. Под Меншиковым было убито три лошади. За два с половиной часа исход сражения был решен. Шведы потеряли 8 тысяч человек убитыми и ранеными.

Началось бегство противника с поля боя к Переволочне. Преследование бежавших шведов началось лишь к вечеру. В начале драгун возглавили князь М. М. Голицын и генерал Баур. Позднее преследованием стал руководить Меншиков.

29 июня шведы достигли Переволочны, где начали искать средства для переправы. Средства эти нашлись лишь для короля и драбантов (охраны), 620 солдат и 6 человек королевской канцелярии. Все остальное войско под командованием генерала Левенгаупта осталось на левом берегу Днепра, тщетно ожидая начала переправы. В числе бежавших был и Мазепа.

На рассвете следующего дня показались драгуны Меншикова. Командир войска потребовал у Левенгаупта капитуляции.

Несмотря на то что шведы численно значительно превосходили девятитысячный отряд Меншикова, он имел моральное превосходство над противником, который был деморализован поражением под Полтавой и утомлен трехдневным бегством. У шведов не было ни пороха, ни продовольствия, ни фуража.

Левенгаупт собрал всех офицеров и приказал им провести опрос среди солдат: желают ли они сражаться или предпочтут капитулировать. Солдаты давали неопределенные ответы, но открытого желания сражаться никто не изъявлял. Тогда Левенгаупт приказал офицерам провести еще один опрос среди солдат, задав им вопрос, смогут ли они атаковать в конном строю русскую пехоту,

ведь своей пехоты у них нет. Последовало окончательное решение о сдаче, потому что драгуны объявили, что без пехоты они ничего не смогут сделать. В плен сдалось 16 275 шведов. Среди пленных были генералы Левенгаупт, Крейц, Круз, графы Дугласы и другие. В качестве трофеев Меншикову достались оружие, артиллерия и вся казна.

Среди многочисленных награжденных за Полтавское сражение по-прежнему выделялся Меншиков. Царь сделал его вторым фельдмаршалом (первым был Шереметев), дал ему во владение города Почеп и Ямполь. По количеству крепостных он стал вторым владельцем после самого царя.

Сразу же после Полтавской победы Меншиков был послан в Польшу для разгрома Станислава Лещинского и шведского генерала Крассау. Но, зная о походе русских, шведы сами ушли в Померанию, а без них Станислав Лещинский уже не мог удержаться и бежал из страны. Разместив в Польше русские войска, Меншиков вернулся в Москву.

19 декабря 1709 года в Москве состоялся парад победы. На нем Меншиков ехал чуть сзади Петра. На следующий день главные участники сражения: Петр, Меншиков, Шереметев докладывали князю-кесарю Ф. Ю. Ромодановскому о результатах Полтавского сражения и капитуляции шведов под Переволочной.

Весной следующего года Меншиков был отправлен к Риге, где фельдмаршал Шереметев, по мнению царя, не смог обеспечить полную блокаду этого важного города. Петр был уверен, что Меншиков сможет на месте урегулировать все сложные вопросы и заставит шведский гарнизон капитулировать. Меншиков приказал перекинуть через Даугаву бревна и цепи, поставить в нужных местах пушки, после чего шведские корабли лишились возможности подвозить к Риге провиант и подкрепление. Армия уже готовилась к штурму, но тут в лагере началась чума, опустошившая ряды осадного войска. Штурм пришлось отложить.

После Полтавской победы Меншиков вернулся к прежним обязанностям генерал-губернатора Петербурга. Уже в 1710–1711 годах на месте пустынного и заболоченного места возник город, в котором было 750–800 дворов и обширное Адмиралтейство.

Сам царь бывал в Петербурге не так часто, пребывая или в военных походах, или на переговорах с европейскими посланниками в Москве, которая оставалась столицей России. Строительные работы в Петербурге велись под руководством Меншикова, который занимал кроме поста генерал-губернатора и должность руководителя канцелярии городских дел.

После Полтавской победы по инициативе Петра был возобновлен Северный союз России, Дании и Саксонии. Поскольку единственной державой, обладающей достаточно сильным военно-морским флотом, была Дания, основные боевые действия развернулись в Померании — последних владениях Швеции на континенте.

Среди союзных монархов не было единства во мнениях относительно ведения боевых действий, и поэтому они протекали вяло. Требовалось назначение единого главнокомандующего, пользующегося авторитетом у всех трех монархов и обладающего несомненными военными способностями. Выбор Петра пал на Меншикова, который и сам просился на войну.

2 мая 1712 года Меншиков выехал из Петербурга, но застрял в пути, терзаемый приступами болезни легких. Кроме того, по пути к войскам Меншиков должен был ускорять снабжение их провиантом.

Меншиков Александр Данилович. Симон. Гравюра

Но, прибыв к войскам, он понял, что ни саксонцы, ни датчане по-прежнему не хотят вести активных действий, надеясь на русского солдата. Штеттин и Штральзунд уже давно были обложены союзными войсками, но взять их они не могли, поскольку обещанная датчанами осадная артиллерия так и не прибыла. Не помогло и прибытие в Померанию самого Петра. Он понял, что без осадной артиллерии овладеть крепостями будет невозможно.

Активные действия было решено перенести на следующий год. Петр уехал для лечения в Карлсбад, а Меншиков воспользовался отсутствием наступательных действий для оргий в компании саксонского короля, что вызвало особое беспокойство его жены.

Воспользовавшись бездействием союзников, шведский генерал Стенбок в декабре вошел из Померании в Мекленбург, собираясь разгромить датско-саксонские войска.

Портрет А. Д. Меншикова

Петр своевременно получил об этом известие и несколько раз предупредил союзников о наступлении шведов. Меншикову он приказал поспешить в Мекленбург и атаковать там противника.

Но ему не удалось поспеть к сражению. Саксонцы и датчане решили сами справиться с неприятелем и при Гадебуше вступили с ним в сражение. Шведы, которые привыкли громить армии этих держав, наголову разбили своих противников, захватив 4 тысячи пленных и всю датскую артиллерию, не использованную при осаде померанских крепостей.

Меншиков повел энергичное наступление на шведов и к январю 1713 года загнал их во Фридрихштадт. Петр предложил союзникам атаковать эту крепость, но, потрясенные постигшим их поражением, они отказались это делать.

К концу января Петр прибыл в Мекленбург и приказал начать решительное наступление. Он взял под свое командование пехоту, а кавалерию поручил Меншикову. Перейдя дамбу, русские войска вышли к самому Фридрихштадту. Шведы, не ожидая увидеть здесь русских, начали беспорядочное бегство в Тоннинген, побросав в воду все пушки.

После взятия Фридрихштадта Петр отбыл в Россию, поручив Меншикову осаду Тоннингена.

Царь предоставил Меншикову действовать по обстановке, но предупредил его: «Того накрепко смотрите, чтоб чего во вред нам не произошло».

Крепость была плотно блокирована с суши, а датский флот с моря пресек все пути снабжения шведов. После захвата 15 судов с продовольствием в Тоннингене начался голод. Ощущался резкий недостаток питьевой воды. Болезни унесли жизни 4 тысяч человек.

Лишь отсутствие осадной артиллерии мешало союзникам взять крепость. После прибытия осадной артиллерии выяснилось, что у датской конницы нет фуража.

На 16 апреля был назначен штурм. Датские и саксонские войска должны были атаковать крепость Гардин, прикрывавшую Тоннинген, а русские — перекрыть пути отступления противнику к главным силам. Меншиков жестоко страдал лихорадкой, однако превозмог свою болезнь и прибыл к началу штурма. Шведы своевременно обнаружили обход и отступили по запасной дамбе. Союзники не спешили преследовать противника. Русские пленили 32 человека.

Датский король, увидев, как осрамилось его войско, был чрезвычайно недоволен своими генералами. Но он все же оценил действия русских войска и самого Меншикова и лично приехал благодарить их за проявленную храбрость.